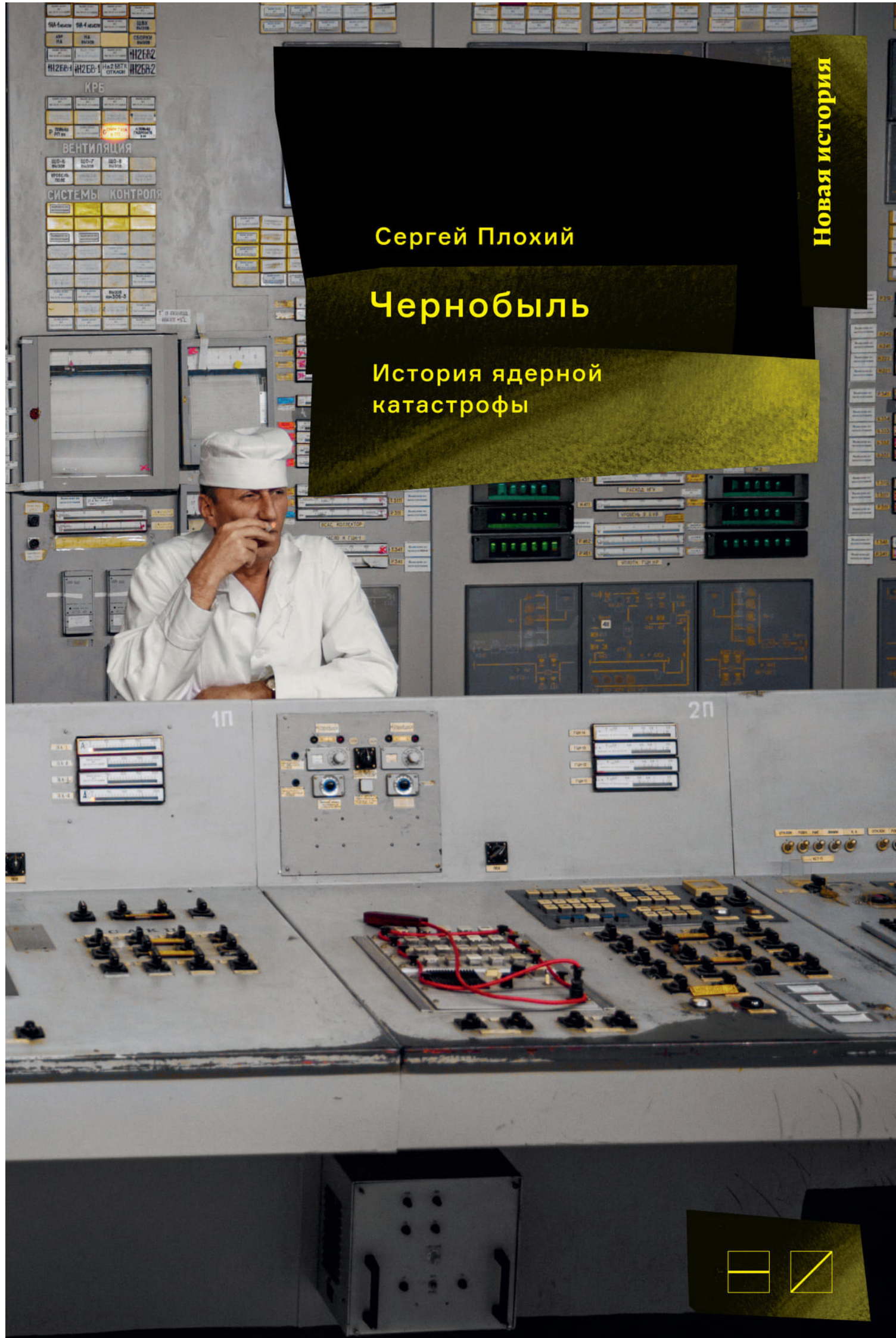

Сергей Плохий

Чернобыль

История ядерной
катастрофы

Сергей Плохий

**Чернобыль: История
ядерной катастрофы**

«Новое издательство»

2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)634

Плохий С.

Чернобыль: История ядерной катастрофы / С. Плохий — «Новое издательство», 2021

ISBN 978-5-98379-255-5

Самая большая техногенная катастрофа в истории, авария на Чернобыльской АЭС унесла тысячи жизней, обрушила главный религиозный культ XX века — веру в технический прогресс и стала символом несостоятельности всего советского проекта. Детальная история катастрофы и ее экологических и политических последствий — в новой книге профессора Гарвардского университета Сергея Плохия. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)634

ISBN 978-5-98379-255-5

© Плохий С., 2021
© Новое издательство, 2021

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Введение	9
Пролог	12
Часть I	14
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	33
Часть II	44
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Плохий

Чернобыль

История ядерной катастрофы

Детям атомного века

Serhii Plokyh
Chernobyl
The History of a Nuclear Catastrophe

* * *

Книга издана при поддержке Фонда Фридриха Науманна за Свободу (Германия)
This edition published by arrangement with Basic Books, an imprint of Perseus Books, LLC,
a subsidiary of Hachette Books, New York, New York, USA. All rights reserved.

© Serhii Plokyh, 2018
© Новое издательство, 2021

Предисловие к русскому изданию

Чернобыль оставил зарубку в геологической памяти Земли, как никакое другое событие новой и новейшей истории. Пройдут десятки тысячелетий, а ученые все еще будут находить в скальных отложениях следы ядерного облака, которое накрыло большую часть Европы в апреле и мае 1986 года. XX век с большей вероятностью останется в памяти потомков эпохой Чернобыля, чем эпохой двух мировых войн, революций и развала империй.

Уже сегодня память о Чернобыле принадлежит не только отдельным людям и странам, пережившим крупнейшую ядерную аварию современности, но всему миру. Успех телесериалов, компьютерных игр, документальных фильмов, научных книг и романов на эту тему – веское тому подтверждение. По мере того как память непосредственных участников, очевидцев и современников аварии превращается в абстрактную память новых поколений, чрезвычайно важно не упустить и не забыть реальных людей, реальный контекст событий. Важно не только отдать долг памяти тем, кто оказался в самом центре катастрофы или пострадал от ее последствий. Необходимо восстановить исторический контекст, чтобы не повторять ошибок прошлого. Ведь Чернобыль – это трагедия рукотворная; катастрофа, созданная человеком.

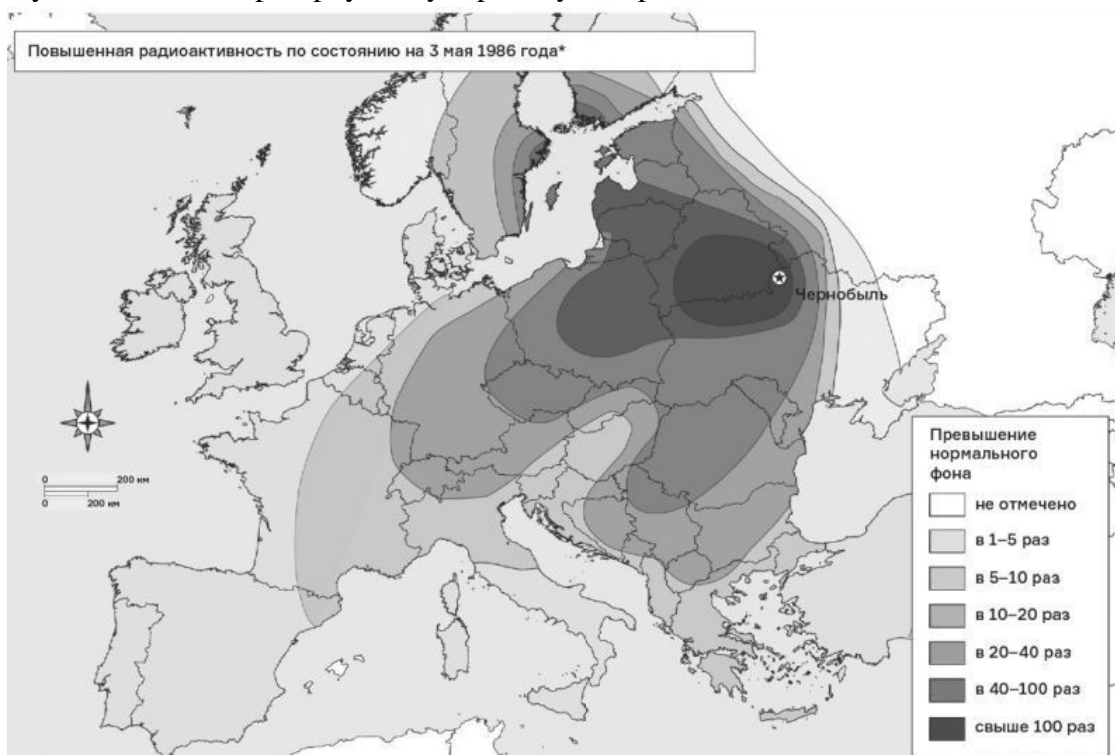
О Чернобыле написано и сказано очень много. Но память тех, кто его пережил, и тех, кто узнал о нем из компьютерных игр или кинофильмов, одинаково фрагментарна. Перед нами всплывают образы «биороботов» или шахтеров, роющих лопатами «подкоп» под реактор, но что именно произошло, почему это стало возможным и к чему привело, остается загадкой. Как раз такого рода загадки я пытался разгадать в этой книге, главная цель которой – превращение фрагментарной памяти в целостную историческую картину. Эта картина не ограничивается восстановлением логики, а зачастую – алогичной цепочки событий до и во время катастрофы. Она включает также политический и общественный контекст аварии, а главное, ее последствий.

Одно из наиболее значимых и до конца не осмысленных ни современниками, ни потомками последствий Чернобыля – влияние атомной катастрофы на распад Советского Союза. Было бы ошибкой считать, что, не будь Чернобыля, Советский Союз существовал бы и сегодня, но попытка воссоздать, а главное, осмыслить его распад, не принимая во внимание Чернобыль, была бы ошибкой вдвойне. Распад СССР – создателя, главного бенефициара, а потом и одной из главных жертв чернобыльского реактора – привел к фрагментации памяти о Чернобыле. О том, что происходило после аварии в Белоруссии, сегодня известно главным образом в Беларуси, о происходившем в Украине знают в Украине, о событиях в России – в России.

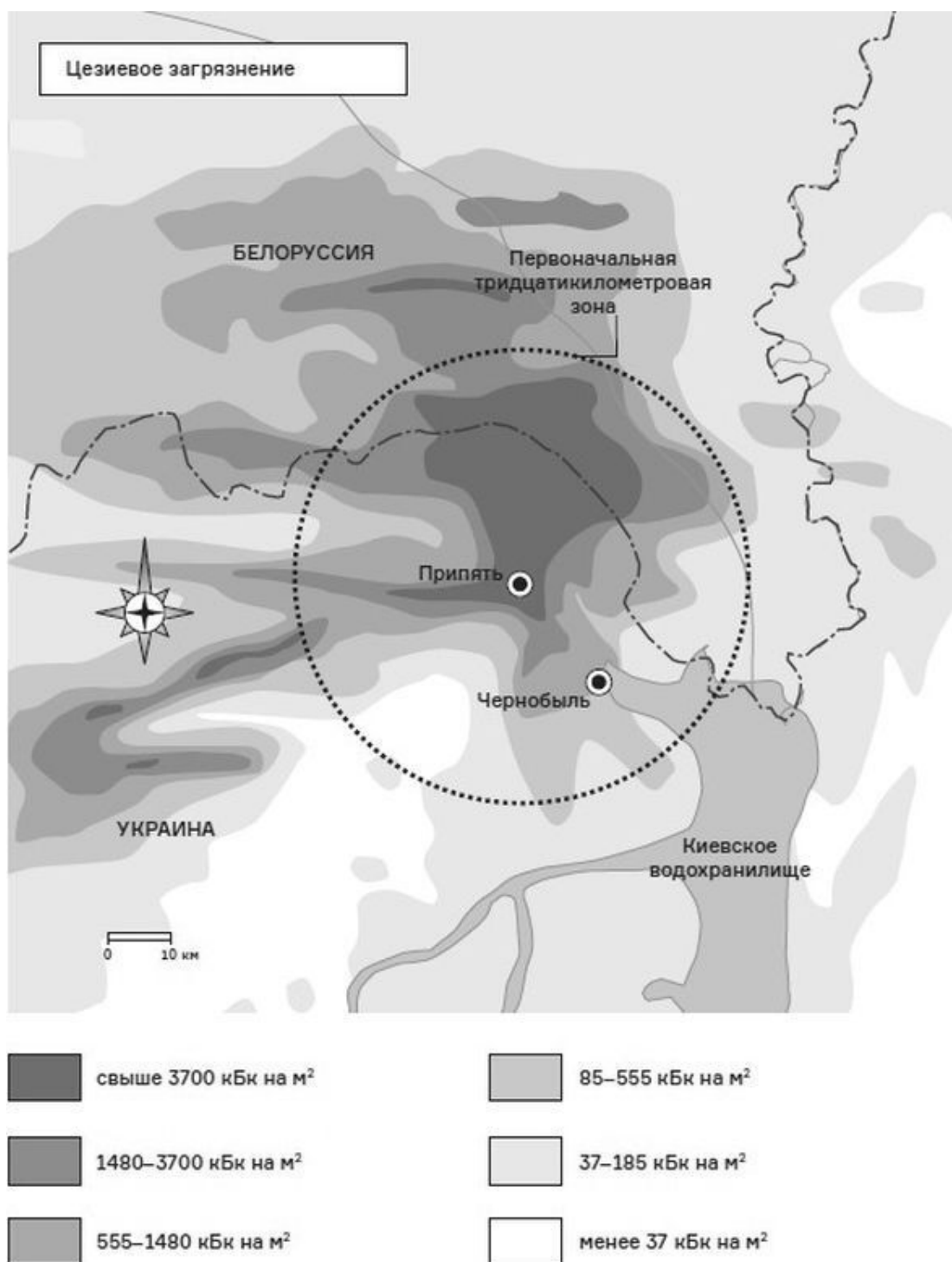
В своей книге я помещаю катастрофу в международный контекст, но в то же время стараюсь удержать фокус на истории реактора и Чернобыльской станции с 70-х годов прошлого века до наших дней. А это означает, что вместе с реактором в центре внимания оказывается Украина, и я надеюсь, что как раз украинские сюжеты, связанные с ролью Чернобыльской аварии в мобилизации украинского национального движения, окажутся для российского читателя среди наиболее интересных и неожиданных.

В заключение хотелось бы упомянуть о необходимости связать нашу память о Чернобыле не только с прошлым, но и с будущим. Чернобыльская эпоха еще далека от завершения как с точки зрения последствий аварии для природы и здоровья людей, так и с точки зрения угрозы, которую несет миру развитие ядерных технологий. РБМК – реакторы того самого типа, который взорвался в Чернобыле, – продолжают эксплуатироваться и сегодня. Их придумали в 60-х годах прошлого века как временную, несовершенную, но зато относительно дешевую замену более надежным и безопасным реакторам ВВЭР, для строительства которых еще не существовало производственной базы. Но нет ничего более постоянного, чем временное.

Большинство из примерно дюжины реакторов типа РБМК, которые продолжают работать на Курской, Ленинградской и Смоленской АЭС, должны быть выведены из эксплуатации в этом десятилетии. Но пока этого не произошло, Чернобыль остается больше чем памятью. Рано думать, что мы перевернули эту страницу истории.

* Показана на современной политической карте Европы

1 микроюри (мкКи) равен 37 килобеккерелям (кБк)

Введение

Мы едем в Чернобыль ввосьмером. (У меня карта на украинском – там он «Чорнобиль».) Кроме меня, в микроавтобусе три будущих инженера из Гонконга, которые путешествуют по России и Восточной Европе. Остальные – британцы, насколько могу судить по их выговору, – трое мужчин и одна женщина, никому из них нет и тридцати. Скоро я узнаю, что насчет женщины ошибся: ее зовут Аманда, и она гордится своей ирландской родословной. Никаких проблем в общении с англичанами это не создает.

Пару месяцев назад Аманда предложила мужу (это один из троих британцев, по имени Стюарт) спланировать отпуск, и он сказал, что хотел бы побывать именно здесь. Вот они и нагрянули, прихватив Стюартова брата, а также друга семьи. Интерес к Чернобылю у них пробудили две компьютерные игры. «S. T. A. L. K. E. R.: Тень Чернобыля» переносит геймера в Зону отчуждения после второго, вымышленного ядерного взрыва. Там ему надо бороться за жизнь, расстреливая орды чудовищ. В «Call of Duty 4: Modern Warfare» главный герой (капитан Джон Прайс) попадает в заброшенный город Припять в погоне за Имраном Захаевым, вожаком радикальной группировки. Стюарт и компания решили взглянуть на эти пейзажи собственными глазами.

Наш украинский гид, юная жизнерадостная Вита, сначала везет нас в 30-километровую зону отчуждения, а затем и в 10-километровую, охраняемую строже. В центре двух окружностей возвышается остановленная атомная электростанция. Мы видим «Дугу» – огромный радар, построенный в разгар холодной войны. Незамысловатая по сегодняшним меркам система должна была засечь баллистические ракеты, выпущенные с восточного побережья США. Затем мы гуляем по самому Чернобылю, атомной станции и Припяти. В этом городе-призраке не так давно жило около пятидесяти тысяч строителей и работников четырех энергоблоков АЭС. Вита вручает нам дозиметры, которые сигнализируют, когда уровень радиации превышает норму. Кое-где (например, возле уничтоженного взрывом реактора) они трещат без остановки. Вита забирает дозиметры и отключает звук – точно так же как ликвидаторы в 1986 году. Счетчики показывали смертельный уровень радиации, а людям надо было выполнить поставленную задачу. Да и Вита здесь работает, не прохлаждается. По ее словам, за целый день в зоне мы получим столько же облучения, сколько на пассажирском самолете за час. Мы предпочитаем поверить нашей проводнице.

Всего Чернобыльская авария привела к выбросу радионуклидов активностью свыше пятидесяти миллионов кюри – в несколько сот раз мощнее бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Причиной бедствия стала утечка радиоактивного топлива из разрушенного энергоблока (хотя более половины осталось на месте). Изначально там находилось около ста восьмидесяти тонн обогащенного урана – достаточно для опустошения немалой части Европы. Если бы взрыв повредил остальные три реактора ЧАЭС, так или иначе пострадали бы все живые организмы на планете. После 26 апреля еще несколько недель специалисты не могли уверенно обещать, что Чернобыльский радиоактивный вулкан не взорвется вновь – с намного худшими последствиями. Этого не случилось. Но ущерб от взрыва реактора будет сказываться на отдаленных потомках ныне живущих. Период полураспада плутония-239 – его нуклиды тоже попали в атмосферу, а ветер донес их до Швеции – равен 24 тысячам лет.

Припять иногда называют Помпеями наших дней. Между ними есть очевидное сходство, но и различие велико. Хотя бы потому, что в украинском городе более-менее уцелели не только стены и потолки, но даже стекла в некоторых окнах. Опустошили Припять вовсе не вулканический жар и лава, а невидимое излучение. Население покинуло город, но флора не отступила, а дикие звери вновь господствуют на земле, освоенной было человеком. На улицах многое напоминает о давнем советском прошлом. Коммунистические лозунги остались нетронутыми, в

заброшенном дворце культуры стоит портрет какого-то вождя. Наша проводница говорит, что его никому уже не опознать, но мне (в начале перестройки – преподавателю в украинском вузе) знакомо это лицо. Это Виктор Чебриков, глава КГБ с 1982 по 1988 год. Прошедшие тридцать лет ему нисколько не повредили. Одна дырочка возле носа – в остальном Чебриков сохранился прекрасно. Мы идем дальше.

«Почему же Вита, такой прекрасный экскурсовод, не знает, кто изображен на портрете?» – недоумеваю я про себя. В заброшенном универмаге она теряется, когда нужно рассказать о вывесках «Мясо», «Молоко» и «Сыр», прикрепленных над разными отделами. «Почему теперь пишут, – спрашивает Вита, – что в Советском Союзе не было почти ничего?» Я поясняю: Припятский край богаче других городов благодаря атомной станции. Работников ЧАЭС потребительскими товарами снабжали лучше обычных граждан. К тому же вывески «Мясо» и «Сыр» сами по себе ничего не гарантировали. Не забывайте, что через пропасть между реальностью тех времен и трескотней пропаганды можно было только перешучиваться. Старый анекдот: «Если хотите, чтоб у вас был полный холодильник, подключите его к радиоточке». По радио вещали о росте благосостояния, у холодильника были свои данные.

Именно тогда, в Припяти, я решил рассказать историю Чернобыля – ради тех, кто не застал те времена и не видел тех людей своими глазами, но хочет понять, что же произошло в ту злополучную ночь на 26 апреля 1986 года и в те дни, месяцы, годы, что за ней последовали. Советское руководство пыталось было замолчать аварию и масштаб ее последствий, но грохот взрыва слышали многие миллионы людей по обе стороны железного занавеса. Повесть о Чернобыле открыли репортажи, напечатанные по свежим следам катастрофы, а продолжили исследования и романы, документальные и художественные фильмы. Разобраться в причинах бедствия, осознать, чем оно грозило планете, извлечь уроки – все это задача историка, способного понять контекст той эпохи, выстроить факты в определенную схему. Тем не менее даже сегодня, через тридцать лет, эта работа еще не сделана.

Эта книга – исторический очерк и, кажется, первое последовательное изложение событий, начиная от взрыва на четвертом энергоблоке до остановки станции в 2000 году и далее, до ввода в эксплуатацию новой арки укрытия (это произошло одновременно с изданием английского оригинала книги). В исследовании темы мне очень помогло недавнее открытие архивных фондов, связанных с аварией на ЧАЭС. Многие украинские архивы упростили режим работы – увидеть документы компартии и правительственных структур времен перестройки стало легче. А украинский Майдан, народное восстание в начале 2014 года, обернулся «архивной революцией», которая дала невозможный ранее доступ к фондам КГБ.

Я писал эту книгу как историк и одновременно свидетель эпохи. Во время взрыва я тоже жил на берегу Днепра – Чернобыль примерно в пятистах километрах выше по течению. Нашу семью беда как будто обошла стороной. Однако несколько лет спустя врачи в Канаде, куда я уехал работать, сказали, что щитовидная железа у меня не так давно была воспалена – тревожный симптом облучения. К счастью, у жены и детей ничего подобного не нашли. Радиация вообще непредсказуема: моего однокурсника послали в Чернобыль в составе подразделения МВД вскоре после взрыва – и теперь он каждый год не меньше месяца проводит в больнице. А вот коллега по университету, который побывал в зоне заражения примерно в то же время, похоже, не пострадал – он преподает в США историю СССР. Разговоры с ними и другими участниками событий, а также собственные воспоминания помогли мне понять, что двигало теми, кто не щадил здоровья, а иногда и жизни в борьбе с последствиями катастрофы.

С каждым годом она все больше обрывает мифами – и все труднее становится воссоздать реальность, понять, что привело к ядерному взрыву, хуже которого Земля не знала, и чем он нам грозил. Недавно открытые архивные фонды и обнародованные правительственные документы, интервью с очевидцами, книги таких авторов, как Светлана Алексиевич и Юрий Щер-

бак, – все это позволило мне описать политическое, общественное и культурное воздействие чернобыльского взрыва в долгосрочной перспективе. В своем рассказе я перехожу от блока управления и поврежденного реактора к беженцам из зоны отчуждения, а затем в кабинеты первых лиц Киева, Москвы и Вашингтона. Поместив Чернобыльскую аварию в контекст мировой истории, можно извлечь из нее уроки глобального значения.

С точки зрения историка, это повесть о техногенной катастрофе, которая ускорила крах не только советской атомной промышленности, но и советского строя в целом. Она стала началом конца коммунистической державы, не протянувшей после аварии и шести лет. Виной тому был не только идеологический камень на шее СССР, но и ущербность его административной и экономической систем.

Взрыв на ЧАЭС стал испытанием для Советского Союза образца эпохи застоя и навсегда изменил старый порядок вещей. Политика гласности дала средствам массовой информации и простым гражданам право говорить о политических и социальных проблемах, на критику власти. Толчком для нее стали апрельские дни 1986 года. От Кремля требовали все более полной информации, и броня секретности треснула. Именно Чернобыль вынудил правительство позволить обычным людям объединяться в организации для защиты окружающей среды, что нарушило монополию КПСС на политическую деятельность. Первые массовые движения, затем и партии времен перестройки уходят корнями в экологический активизм – он охватил крупные города Советского Союза, сильно загрязненные выбросами заводов и фабрик.

Радиация не обошла стороной ни простых рабочих, ни вождей, поэтому Чернобыль резко обострил этнические и социальные конфликты в Советском Союзе. В Украине это ощутили, как нигде, – ведь уничтоженный взрывом реактор находился в Киевской области. У двух враждебных друг другу сил – компартии Украины и нарождавшейся демократической оппозиции – появился общий противник в Москве, а именно генеральный секретарь компартии Михаил Горбачев. 1 декабря 1991 года жители Украины проголосовали за независимость и тем самым отправили сверхдержаву на свалку истории (Горбачев признал роспуск СССР через несколько недель). Отводить Чернобылю главную роль в становлении гласности или подъеме национальных движений в Украине и в других республиках было бы неверно. И все же в ряду причин этих взаимосвязанных явлений он занимает далеко не последнее место.

Легко винить в атомной трагедии прогнивший государственный строй или конструктивные ошибки реакторов типа РБМК, к которым принадлежал и чернобыльский, – подразумевая, что сегодня подобное невозможно. Но это самообман. Факторы, способные привести к взрыву ядерного реактора, никуда не исчезли. Властителей, которые, лицемерно выражая заботу об окружающей среде, готовы любой ценой добиваться экономического роста, бороться с энергетическим и демографическим кризисами, стало еще больше. Может ли подобная ядерная катастрофа повториться? Ответа никто не знает. Но мы должны понять одно: правильные выводы из того, что произошло в Чернобыле, уменьшат вероятность очередного апокалипсиса.

Пролог

28 апреля 1986 года в седьмом часу утра Клифф Робинсон позавтракал, почистил зубы в умывальной и отправился в раздевалку, куда пройти можно было только через детектор радиации. Робинсон, двадцатидевятилетний химик, работал на атомной станции Форсмарк в двух часах езды от Стокгольма, и это была обычная процедура. Но не в этот раз. Внезапно сработала сигнализация. «Что за чепуха? Я даже не входил в контрольную зону, значит, и облучиться не мог», – подумал Робинсон. Он еще раз прошел через детектор – сигнализация сработала снова. На третий раз, впрочем, она смолкла. Теперь стало ясно, что это был просто технический сбой.

По должности Робинсону полагалось наблюдать за уровнем радиоактивного заражения на станции. «Забавно, что детектор решил продемонстрировать свою бдительность на мне», – подумал он. Главное, впрочем, что аппарат чудил совсем недолго. Клифф занялся обычными делами, почти забыв об этом. Но два-три часа спустя, когда он вернулся к раздевалке, перед детектором стояла целая очередь – работники растерялись, поскольку сигнал тревоги не умолкал. Проверять исправность механизма Робинсон не стал. Он снял с одного из коллег ботинок и отнес на компьютерный анализ. От результата его бросило в дрожь. «Я увидел то, чего никогда не забуду. Обувь получила громадную дозу. Столбики уровня радиации стремительно ползли вверх».

Сначала он решил, что взорвалась бомба: на обуви оказались радионуклиды, нехарактерные для атомной электростанции. Робинсон доложил начальству, а оно уведомило Стокгольм – Управление по радиационной безопасности. В столице решили, что утечка могла произойти на самой АЭС. Работников Форсмарка спешно эвакуировали. Началась проверка помещений, которая, однако, ничего не дала. Около полудня стало ясно, что искать источник заражения на станции не стоит. Предположение о взрыве бомбы тоже отбросили, радиоактивные элементы в таком случае были бы иными. Высокий уровень радиации обнаружили и в других местах, где имелись необходимые приборы. Сомнений не осталось – зараженные частицы попали в Швецию из-за рубежа.

Расчеты синоптиков указывали на ветер с юго-востока – со стороны одной из двух ядерных сверхдержав. Какое несчастье могло ее постигнуть? СССР хранил молчание. Управление по радиационной безопасности связалось с коллегами из Москвы, но те уверяли: на их территории не происходило ничего, что могло бы вызвать радиоактивное загрязнение. При этом инспекторы в скандинавских странах и далее отмечали необычно высокий уровень радиации. На территории Швеции гамма-излучение превышало норму на 30–40 процентов, Норвегии – вдвое, Финляндии – в шесть раз.

Над полуостровом плыли облака ксенона и криптона – двух газов, выделяющихся при расщеплении ядра урана. Их обнаружили и в Дании. Тесты показывали, что источник радиоактивного заражения, где бы он ни находился, продолжал выделять в атмосферу опасные вещества. Шведы настойчиво звонили в три советских ведомства, ответственных за ядерную энергетику, но слышали тот же ответ: сведениями об аварии или взрыве не располагаем. Биргитта Даль, министр окружающей среды, заявила, что виновная в радиоактивном заражении страна нарушает международные договоры, скрывая от мирового сообщества жизненно важную информацию. Реакции не последовало. Дипломаты обратились к Хансу Бликсу. Этот шведский политик, на тот момент обитатель Вены, возглавлял Международное агентство по атомной энергии. Но и МАГАТЭ пребывало в неведении.

Никто не знал, чего ждать дальше. Уровень радиации был высоким, но пока не представлял прямой угрозы для жизни людей и живой природы. Но что, если облучение продолжится с той же или еще большей интенсивностью? И что все-таки случилось за железным занавесом? Вспыхнула третья мировая либо произошла авария чудовищного масштаба? Как бы то

ни было, остальной мир не мог остаться в стороне. Он уже получил дозу радиации. Но Кремль упорно отмалчивался.

Часть I

Горькая полынь

Глава 1

Съезд

Холодным утром 25 февраля 1986 года (ночью температура упала до -10°C) пять тысяч тепло одетых мужчин и женщин шли через Красную площадь, украшенную огромным портретом Ленина, к Кремлю. Среди них были партийные и государственные чиновники, офицеры, ученые, директора крупных заводов и простые люди из цехов и с колхозных полей – представители «трудящихся масс». Все они были делегатами партийного съезда. Этот съезд КПСС был уже двадцать седьмым по счету с конца XIX века, когда партию основала небольшая группа социал-демократов – апостолов светлого будущего. Многие в Москве и Советском Союзе надеялись на завершение застоя и начало новой эпохи. Съезду предстояло проложить курс, которым сверхдержава будет идти до начала 1990-х годов¹.

Поток людей проходил сквозь ворота Кремля и вливался в распахнутые двери Дворца съездов – отделанного мрамором параллелепипеда из стекла и бетона. Его воздвигли в 1961 году на месте кремлевских казарм и на фундаменте палат, построенных еще при Борисе Годунове. Хрущеву не давал покоя открытый в Пекине двумя годами раньше Дом народных собраний. Колосс, сооруженный по воле Мао Цзэдуна, располагал залом на десять тысяч человек. Обуреваемый завистью, первый секретарь ЦК приказал увеличить зал Дворца съездов в полтора раза – до шести тысяч мест. Здание выросло в глубину, а партер оказался под землей. Что касается партийных съездов, проводимых раз в пятилетку, для них установили лимит: не более пяти тысяч участников, как бы ни разбухала партия (в ее ряды тогда стремились многие). Добавить в партер, ложи и на балкон кресел значило бы вынудить делегатов толкаться локтями. Кроме стадионов, в Советском Союзе не было ни одного столь просторного места для собраний².

Строители преподнесли Хрущеву готовый дворец как раз к XXII съезду КПСС. На съезде постановили убрать из мавзолея тело Сталина и приняли новую программу – создания материально-технической базы коммунизма (на это отводилось двадцать лет). Теперь, в 1986 году, настало время подвести итог. Успехи, мягко говоря, удручали. Численность населения выросла, экономика забуксовала, перспектива глубокого кризиса выглядела как никогда реальной. Рост валового внутреннего продукта, в 1950-е годы оцениваемый в 10 процентов в год, к 1985-му упал до 4 процентов. По мнению ЦРУ, дела Советского Союза шли еще хуже и реальный показатель роста составлял 2–3 процента. Позднее американские аналитики снизили его до одного процента³.

Коммунизмом и не пахло – на горизонте маячил только экономический крах. В то же время Китай становился на рельсы рыночных механизмов и готовился уйти далеко вперед, Америка под началом весельчака Рейгана лидировала не только в экономике, но и в гонке вооружений. На их фоне казалось, что руководство КПСС сбилось с пути. Народ и вовсе

---

¹ «XXVII съезд КПСС». 1986, опубликовано на YouTube 1 мая 2015 года [www.youtube.com/watch?v=DFtuqNiY4PA].

² *Посохин М.* Кремлевский дворец съездов. М., 1965; *Можжаев А.* Вторая свежесть // Архнадзор. 2007. 2 марта [www.archnadzor.ru/2007/03/02/vtoraya-svezhest].

³ *Taubman W.* Khrushchev: The Man and His Era. New York, 2004; *Harrison M.* Soviet Economic Growth Since 1928: The Alternative Statistics of G.I. Khanin // Europe-Asia Studies. 1993. Vol. № P. 141–167.

пребывал в унынии, уже не веря в коммунистический эксперимент. Но стоило красной религии пошатнуться, как явился ее новый пророк – относительно молодой, бодрый, обаятельный Михаил Горбачев.

Пятидесятипятилетний лидер впервые выступал на партийном съезде в роли генерального секретаря. Он ощущал на себе миллионы пристальных взглядов – ближайшего окружения, простых сограждан, жителей стран всего мира. Предыдущие годы вошли в историю под именем гонки на лафетах. В ноябре 1982 года, после 18 лет правления Союзом и долгой болезни, умер Брежнев. Его преемнику Юрию Андропову, бывшему председателю КГБ, больничная палата надолго заменила рабочий кабинет. Он умер в феврале 1984 года. Через год с небольшим за ним последовал Константин Черненко, самый дряхлый из трех генсеков. Вожди ложились в могилу и, казалось, тянули за собой целую страну. Пустые полки магазинов были не так страшны, как цинковые гробы из Афганистана, где советская армия с 1979 года увязла в безнадежной войне. Противостояние же с НАТО грозило ядерным армагеддоном. Оперативникам КГБ за границей велели, бросив прочие дела, отслеживать малейшие признаки подготовки к началу третьей мировой.

Поэтому теперь и в партии, и в народе многим хотелось верить, что Горбачев, полный смелых, нестандартных идей, сумеет вытянуть СССР из болота. Открытого, способного на компромисс лидера в нем видели и на Западе. Рейган, устав от бесконечных похорон в Москве, ждал, что за стол переговоров наконец-то сядет достойный партнер. Маргарет Тэтчер, верная союзница, обрадовала президента США – Горбачев производил впечатление именно такого человека. Первая встреча глав двух держав-гигантов произошла в ноябре 1985 года в Женеве. Не все прошло гладко, но саммит дал начало диалогу, который со временем становился все более и более содержательным. Рейган и Горбачев обменивались репликами не только с глазу на глаз или через дипломатов, но и в публичных выступлениях. В январе следующего года генсек выдвинул неожиданное для американца предложение: полностью ликвидировать ядерные арсеналы. Ожидалось, что в речи на XXVII съезде Горбачев продолжит призывать Рейгана к разоружению⁴.

Ломая голову над тем, как вывести страну из острого кризиса сразу на нескольких фронтах, Горбачев тщательно трудился над речью. Выкроив себе зимой 1985/86 года отпуск, он вызвал в Пицунду ближайших помощников: незаменимого Валерия Болдина и Александра Яковлева, бывшего посла в Канаде. Перестройка, чьим крестным отцом потом назовут Яковлева, еще не начиналась. Главным лозунгом тогда было «ускорение». Считалось, что система в целом работоспособна, – надо лишь смазать ее механизм, ускорив «научно-технический прогресс».

За несколько дней до первого заседания Горбачев заперся дома, много раз подряд зачитывал речь вслух и разбивал ее на удобные отрезки. Чтения было на добрых шесть часов – без учета перерывов. Пока генсек упражнялся в ораторском мастерстве, делегаты сбивались с ног, не желая упустить в Москве ни дня. Бегали они преимущественно не по театрам и музеям, а по магазинам. Болдин, один из соавторов той речи, вспоминал: «Приехавшие со всей страны, они заняты собой. Им нужно купить многое себе, домашним, знакомым, которые заказали столько вещей, что их нелегко перевезти даже поездом»⁵.

Большинство делегатов приехало из провинции, терзаемой дефицитом. В 1980-е годы еду, одежду и прочее советские люди обычно не покупали, а доставали. Политбюро не могло снабдить товарами простых людей, но вот о партийной номенклатуре тщательно заботилось. В гостиницах, где селили делегатов, открывали особые филиалы универмагов – туда свозили с

⁴ Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1997. P. 24–129; Grachev A. Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War. Cambridge, 2008. P. 9–42.

⁵ Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1, ч. 2, гл. 9; Болдин В. Крушение пьедестала: штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995. С. 158.

разных концов страны то, что в самих этих регионах запросто купить было нельзя. В продаже были модные костюмы и платья, обувь, икра, ветчина, колбаса и, конечно же, бананы. Все на зависть простым обитателям не только глуши, но даже Москвы, Ленинграда и Киева, которые снабжались куда лучше. Открывали и специальные почтовые отделения для делегатов, тоннами посылавших покупки на малую родину.

Перед партийными бонзами и директорами крупных предприятий, которые и дома имели доступ к дефицитным товарам, маячили другие возможности. Им следовало напомнить о себе московскому начальству, выпросить поставки и финансирование для областей, городов или заводов. Они старались поддерживать теплые отношения со старыми приятелями и заводили новые выгодные знакомства. Это почти неизменно подразумевало попойки, редко когда умеренные (неизбывную хворь номенклатуры). Горбачев, напуганный разгулом пьянства в Советском Союзе, уже в 1985 году дал старт антиалкогольной кампании. Карали за пьянство всех, не делая поблажек членам партийного и государственного руководства.

Виталий Врублевский, первый помощник Владимира Щербицкого (первый секретарь ЦК КПУ возглавлял в феврале 1986 года украинскую делегацию), запомнил случай, когда сотрудники КГБ, проверявшие пропуска делегатов на каком-то партийном съезде в Москве, учуяли запах водки. Об этом донесли на самый верх. Виновным оказался один из секретарей обкома с востока Украины («в шахтерском крае и нравы рабочие»). Наказание было суровым. «В этот же день на Секретариате ЦК украинского делегата исключили из партии – домой он вернулся уже беспартийным», – рассказывает Врублевский. Он и сам с трудом избежал взыскания после загула с космонавтами, своего рода советскими рок-звездами. На утро запахло жареным: «Сидевший в президиуме Владимир Щербицкий все время посматривал в сторону своей делегации. А у меня, как назло, голова постоянно падала». Выручил Врублевского друг, который незаметно сжимал ему колено, как только тот начинал засыпать⁶.

В составе украинской делегации приехал на съезд и Виктор Брюханов, пятидесятилетний директор Чернобыльской АЭС им. В. И. Ленина. Долгое членство в партии, работа на одном из самых ответственных постов в отрасли принесли ему (впервые) и такую награду. Среди пяти тысяч делегатов новички составляли три четверти, но директоров вроде Брюханова насчитывалось немного – около семи процентов. Невысокий, стройный, с курчавыми темными волосами и несколько смущенной улыбкой, Брюханов производил приятное впечатление. Подчиненные ценили в нем опытного инженера и уравновешенного руководителя. Он почти не пил – его страстью была работа. Приходил рано, уходил поздно, говорил мало и пользовался редкой в Советском Союзе славой: начальника, у которого дело спорится, а подчиненные довольны⁷.

Поездка в Москву означала признание заслуг того, кто стоял у руля третьей крупнейшей атомной станции в мире. Брюханову поручили командование ЧАЭС в то время, когда она существовала почти только на бумаге. А теперь у него работали четыре энергоблока, каждый мощностью по тысяче мегаватт. В 1985 году шло сооружение еще двух, но станция и без них перевыполнила план, выдав на-гора 29 миллиардов киловатт электроэнергии. За плодотворный труд директора наградили двумя орденами. Казалось, на подходе и звезда Героя Социалистического Труда с орденом Ленина в придачу. В конце 1985 года Верховный Совет Украинской ССР поздравил Брюханова с пятидесятилетием, он стал делегатом партийного съезда. Такая награда была не хуже, если не лучше иных медалей.

Накануне юбилея в гости к директору приехал киевский журналист – взять интервью о достигнутых успехах и планах на будущее. Немногословный Брюханов на этот раз охотно отвечал на все вопросы. Вспомнил зиму 1970 года, когда он приехал в Чернобыль (города Припять

⁶ Лисиченко И. Застолья партийной элиты // Брестский курьер. 2013. Март.

⁷ Medvedev G. The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sakharov. New York, 1991. P. 40–42.

еще не было) и остановился в гостинице. Ему не исполнилось и тридцати пяти, а его прочили в директора атомной электростанции, которую еще только предстояло построить. Брюханов не стал скрывать, что поначалу робел. Но это в прошлом. Теперь он руководил коллективом из нескольких тысяч управленцев, инженеров и рабочих. Фактически на нем лежала ответственность и за весь атомград Припять с населением в пятьдесят тысяч человек – главным образом работников ЧАЭС и строителей. Брюханов даже посетовал репортеру на то, что постоянно вынужден расходовать ресурсы станции на городское хозяйство, отвлекать людей. Но непростая роль отца города давала и определенные преимущества. Уже в ходе подготовки к съезду множество его портретов появилось на страницах местных и областных газет, включая чернобыльскую⁸.

На фотографии делегатов Киевской области, снятой в дни съезда на Красной площади, и на другой – уже по возвращении в Украину – Брюханов позирует в модной ондатровой шапке и короткой дубленке, с мохеровым шарфом на шее. Такая одежда говорила о высоком статусе – ее было трудно достать и стоила она дорого. У Брюханова не было необходимости охотиться за дефицитом. Свободное время в Москве он тратил на встречи с коллегами по атомной промышленности и лоббирование через членов ЦК и сотрудников Министерства энергетики и электрификации, которое заведовало атомными станциями. Головной боли бюрократия ему почти не доставляла – во многих партийных и министерских кабинетах заседали бывшие сослуживцы по Чернобыльской АЭС⁹.

Утром 25 февраля 1986 года Виктор Брюханов и еще несколько тысяч человек заняли свои места в Кремлевском дворце съездов. Новички вроде него, впервые попав в партер огромного зала, внимательно следили за обрядом, исполняемым в президиуме, – он сохранился со сталинских времен почти без изменений.

В десять утра в президиум проследовали первые лица страны во главе с Горбачевым. Брюханов, как и обычные граждане, знал их только по изображениям, развешанным на тысячах стендов по всему Советскому Союзу. Среди них шествовал и Виктор Чебриков – председатель КГБ, чей портрет сохранился до наших дней в припятском дворце культуры. Делегаты вскочили с мест; разразились бурные аплодисменты. Когда шум стих, генеральный секретарь вышел на трибуну. Дрожащим от волнения голосом он объявил: «Товарищи делегаты! На съездах компартий союзных республик, краевых, областных партийных конференциях на XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза избрано пять тысяч делегатов. Прибыло на съезд 4993 делегата. Отсутствуют по уважительным причинам семь человек. Это дает нам основание начать работу съезда». Возражений ни у кого не возникло, работа съезда началась¹⁰.

В числе первых пунктов повестки дня была минута молчания в память умерших за предыдущие пять лет. Назвали имена Брежнева, Андропова, Черненко, еще троих членов политбюро, зарубежных политиков. Почтив покойных, можно было перейти к штурму новых вершин. Доклад генсека, с перерывом на обед и прочими паузами, занял целый день. Профессиональные дикторы зачитывали его потом по радио в течение шести часов. Впрочем, Горбачеву не удалось побить рекорд Фиделя Кастро – две недели тому назад тот витийствовал на съезде компартии Кубы семь часов десять минут.

⁸ Болясний О. Прискорення тривалістю вісім років // Київська правда. 1985. 1 грудня; Болясний А. Когда исключения часто повторяются, они становятся нормой // Вестник. 1999. Т. 214. № 7.

⁹ Куліков І., Шаниок В. Від нашого новаторського пошуку // Київська правда. 1986. 4 березня; Куліков І., Лахтурова Т., Стрекаль В. Плани партії – плани народу // Київська правда. 1986. 8 березня; Лісовий В. Грані характеру // Прапор перемоги. 1986. 25 лютого; Болясний О. Ця буденна романтика // Київська правда. 1986. 26 лютого.

¹⁰ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 года: Стенографический отчет. М., 1986. Т. 1. С. 3.

Теперь Кастро сидел в ряду почетных гостей за трибуной, внимательно слушая перевод слов Горбачева. За последние тридцать лет в Кремле едва ли хоть раз звучала настолько суровая критика советской действительности¹¹.

«В течение ряда лет, и не только в силу объективных факторов, но и причин прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни, – признал генеральный секретарь. – Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма – все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления». Так жестко коммунистический строй, не делая скидку и высшим руководителям, не оценивал никто из вождей после Хрущева в 1956 году. Горбачев позднее заметил, что хрущевский «секретный доклад» прозвучал 25 февраля, в последний день XX съезда, – и он на XXVII съезде выступил тоже 25 февраля. Слово «застой», сокращенный вариант «застойных явлений», стало общепринятым названием упадка советской экономики во второй половине 1970-х и в 1980-е годы.

Горбачев призывал членов партии «как можно быстрее преодолеть негативные явления в социально-экономическом развитии общества, придать ему необходимый динамизм и ускорение, в максимальной степени извлечь уроки из прошлого». Он ставил перед обществом и плановым хозяйством цель, достижимую лишь полным напряжением всех сил: до конца века (то есть за пятнадцать лет) удвоить валовой внутренний продукт путем неуклонного повышения производительности труда. Главным мотором такого стремительного движения вперед Горбачев считал научно-техническую революцию, внедрение инноваций, а также постепенную замену углеводородного топлива (угля, нефти, газа) атомной энергией. Он заявил: «В текущей пятилетке будет введено в два с половиной раза больше, чем в прошлой, мощностей атомных электростанций, а также осуществлена массовая замена устаревших агрегатов на тепловых станциях».

Брюханова эти цифры не удивили – они значились в Энергетической программе СССР, принятой задолго до съезда. Но теперь о необходимости достичь таких показателей заявили с самой высокой трибуны. Пройдет пять лет, и на очередном съезде подведут итоги, а Кремль, если понадобится, накажет виновных в невыполнении столь важного задания. Таким образом, выполнить и перевыполнить план должны будут не только четыре энергоблока теперешней ЧАЭС, но и те два, которые достроят и подключат к электрической сети еще нескоро. На левом берегу Припяти со временем планировали возвести еще два или даже четыре энергоблока. Реакторы новых энергоблоков будут в полтора раза мощнее старых. Брюханов уже пятнадцать лет умудрялся руководить и стройкой, и эксплуатацией энергоблоков – изнурительная акробатика. Но партия сказала, что надо дать еще больше атомной энергии. Ему оставалось только взять под козырек.

В своем докладе Горбачев упоминал атомное оружие намного чаще мирного атома. Он призвал товарищей по партии по-новому взглянуть на контроль над гонкой вооружений, подчеркнул, что НАТО и страны Варшавского договора накопили ядерные арсеналы, способные уничтожить на Земле все живое (и не один раз). Выход из тупика советский вождь видел в полном их уничтожении к концу XX века. Он сообщил съезду, что Рейган уже прислал ответ на это предложение. Горбачева письмо президента США не обрадовало. Не отвергая идеи полного ядерного разоружения, американский президент настаивал на продолжении развития Стратегической оборонной инициативы (СОИ), известной как программа «звездных войн». Она включала размещение в космосе систем перехвата баллистических ракет. Интонация Михаила Сергеевича выдавала разочарование в партнере по переговорам: «Сокращение стратегических

---

¹¹ Лошак В. Съезд бурных аплодисментов // Огонек. 2016. 2 февраля.

ядерных арсеналов обуславливается нашим согласием с программами „звездных войн“, сокращениями, кстати односторонними, советского обычного оружия»¹².

Советский лидер хорошо понимал, что для участия в новом этапе гонки вооружений у страны не хватит ни финансов, ни технологий, и СССР неизбежно проиграет в ней, если Америка воплотит СОИ в жизнь. Материальные ресурсы и усилия конструкторских бюро следовало перенаправить с изобретения сверхсовременных видов оружия на модернизацию дряхлеющей советской экономики. Представители научной номенклатуры в целом были на стороне генсека. Для них были важны усиление финансирования и ставка на отечественные разработки, даже если западные технологии и оборудование показывали лучшие результаты и стоили дешевле. Не стоило забывать, что в условиях холодной войны страны Запада налагали эмбарго на продажу Москве сверхсовременных разработок. Военно-промышленный комплекс (ВПК) охотно расширил бы поле деятельности, частично перейдя на мирные рельсы и не утрачивая в то же время монополии на сферу высоких технологий. Многие (среди них и Горбачев) думали, что в преодолении трудностей советской экономики ВПК принесет наибольшую пользу.

О чаяниях и тревогах ВПК и его научного крыла съезду поведал Анатолий Александров, президент Академии наук СССР. Он стал первым делегатом от интеллигенции на трибуне, что свидетельствовало не только о его месте в государственной иерархии, но и о надеждах, возлагаемых на ученых новым руководством¹³.

Высокий, выбритый налысо, с высоким лбом и крупным носом, Александров в свои 83 года был старше всех членов политбюро. Он появился на свет раньше трех генсеков, похороненных недавно один за другим. Но никто не дерзнул бы назвать его дряхлым или указать на «застойные явления» в Академии наук или в Институте атомной энергии, который он также возглавлял. Александров был бодр, крепок и полон идей. Его, одного из отцов советской ядерной программы, глубоко уважали и в партийных, и в промышленных, и в научных кругах. Партия хотела получить волшебное средство против экономической отсталости у тех, кто двигал вперед науку и технику, – а значит, и у Александрова и его коллег. Именно от них Кремль ждал чуда¹⁴.

Александров начал со ссылки на наивысший авторитет – поручение Ленина Академии наук об ускорении развития народного хозяйства. Впрочем, упор президент АН сделал на историю советской ядерной отрасли, у истоков которой стоял Курчатов – директор упомянутого Института атомной энергии. Александров, его преемник, подчеркнул, что «под научным руководством Курчатова И. В. были созданы первые атомные, а затем – раньше, чем в США, – и водородные бомбы. Безопасность Советского Союза была обеспечена». Докладчик не стал упоминать о роли агентов МГБ, хотя ядерная бомба у СССР появилась во многом благодаря им и данным, полученным от сотрудников Манхэттенского проекта. Но Александров говорил и о чисто советских достижениях: «В 1954 году, вскоре вслед за созданием оружия, в СССР была создана первая в мире атомная электростанция. Я хочу поаплодировать ее создателям». Делегаты ответили ему овацией.

О достижениях ядерной программы академик напомнил не только ради похвал предшественнику (а косвенно и самому себе). Бдительности терять было нельзя, ведь Запад оставался грозным противником Советского Союза. Докладчик предостерегал от покупок зарубежных технических решений и оборудования: «Фирмы ФРГ прекратили поставку в СССР труб, когда мы начали строить газопроводы... Когда мы объявили о строительстве больших газопрово-

---

¹² XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 23–121.

¹³ Там же. С. 130–168.

¹⁴ На вершинах науки и власти: К 100-летию Анатолия Петровича Александрова // Природа. 2003. № 2. С. 5–24.

дов из Сибири до западной границы... нам сразу же прекратили поставку оборудования для газоперекачивающих станций». Александров просил инвестировать в развитие отечественной науки. Он привел в пример производственный цех в собственном институте. «У нас в Институте атомной энергии создан небольшой участок, на котором автоматизировано все производство... Мы теперь делаем на этом участке столько деталей, что нам их некуда девать. Мы по всему министерству объявили: пожалуйста, товарищи, если заказываете детали, то заказывайте нам...» Директор института вновь сорвал аплодисменты¹⁵.

Горбачев слушал и не уточнял у Александрова, какое министерство он имеет в виду. Генсеку и так было понятно, что президент Академии наук говорит о сверхсекретном Министерстве среднего машиностроения. Ефим Славский, глава этого ведомства с неуклюжим названием, сидел в президиуме за спиной докладчика. Настоящий гигант, выше и полнее Александрова (и пятью годами старше), он превосходил авторитетом почти всех коллег по Совету министров. Работу над ядерной программой Славский начал в конце 1940-х годов под руководством Курчатова, а министерство возглавлял уже 27 лет. Громадное учреждение отвечало за пополнение ядерного арсенала, а позднее – за использование атомной энергии в мирных целях. Министр, занявший свое кресло в первые хрущевские годы, казался незаменимым. Он распоряжался значительными ресурсами, от его воли зависело финансирование Института атомной энергии – таким образом, ему фактически подчинялась Академия наук. Заместители Александрова то и дело ходили в приемную к Славскому, уговаривая подписать очередную смету. Уговорить его было не так уж просто¹⁶.

Сам президент Академии наук был на дружеской ноге с министром. Оба были родом из Украины, где Александров, сын уважаемого судьи из Таращи, в Гражданскую войну дрался с большевиками на стороне белых, а Славский был выходцем из престолярства. Уроженец Макеевки, он служил в Первой Конной. То, что полвека назад они вполне могли стрелять друг в друга, теперь не мешало им думать и действовать в унисон. Говорят, в начале 1960-х годов их вызвали к Хрущеву. Первый секретарь требовал догнать Америку в области атомной энергетики и запальчиво, переходя порой на украинский, отметал любые возражения. Как придумать новый реактор, да еще так срочно? Славского озарило, когда по телевизору Райкин (в образе горе-рационализатора) воскликнул: «Балерину видали? Она вертится – аж в глазах рябит. Привяжи к ноге динаму. Пусть она ток дает в недоразвитые районы!» Эта шутка как будто и навела Славского с Александровым на мысль использовать реактор, предназначенный для производства оружейного плутония, – присоединить к нему огромные турбину и генератор, чтобы выделяемое при работе реактора тепло давало электроэнергию¹⁷.

Что бы ни вдохновило министра и президента Академии наук на самом деле, новый реактор (названный РБМК – реактор большой мощности канальный) стал плодом сотрудничества Министерства среднего машиностроения с Институтом атомной энергии. Главным конструктором выступил Николай Доллежал, также уроженец Украины и один из корифеев ядерной отрасли. Он уже довольно долго руководил Научно-исследовательским и конструкторским институтом энерготехники, разработал первый советский реактор для производства оружейного плутония и первую в СССР ядерную силовую установку для подводных лодок. Первые РБМК строились и проходили испытания под началом Славского. Александров в прошлом работал над созданием реактора для подводного флота, а в проекте РБМК занимал пост научного руководителя. Он уверял всех и каждого в том, что безопаснее их с Доллежалем детища

¹⁵ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. С. 169–174.

¹⁶ Насонов В. Славский Ефим Павлович // Министры советской эпохи [www.minister.su/article/1226.html]; «Славский Е.П.: Прощание с саблей». Ч. 1, опубликовано на YouTube 21 апреля 2009 года [https://youtu.be/KURb0EWtWLk].

¹⁷ Бывший замдиректора ЧАЭС: Мы стали делать такие АЭС из-за Аркадия Райкина // Интерфакс. 2016. 23 апреля.

не найти. По слухам, Александров даже прибавлял, что реактор «можно ставить хоть на Красную площадь, так как опасности от него не больше, чем от самовара»¹⁸.

У стен Кремля, само собой, реактор монтировать не стали, но после испытаний на одном из подведомственных Славскому заводов сочли вполне надежным. И передали задачу сооружать энергоблоки, оборудованные РБМК, Министерству энергетики и электрификации, хотя оно и не имело опыта управления атомными станциями. Мало кто сомневался, что применение открытий фундаментальной науки на практике и покровительство, которое оказывал развитию атомной индустрии ВПК, принесет огромную пользу стране. СССР получил долгожданную экологически чистую энергию, когда реакторами этого типа стали оснащать атомные станции в европейской части страны. Электрическая мощность в тысячу мегаватт делала их грозными конкурентами для ВВЭР (водо-водяных энергетических реакторов), спроектированных под общим руководством того же Александрова и пущенных в ход в середине 1960-х годов. К тому же для строительства ВВЭР не хватало производственных мощностей. В 1982 году более половины электроэнергии, вырабатываемой советскими АЭС, приходилось на канальные реакторы. Ленинградская АЭС располагала четырьмя такими энергоблоками, Курская и Смоленская – двумя. На Чернобыльской АЭС Брюханов запустил четвертый энергоблок в 1983 году¹⁹.

Последнее время на директора ЧАЭС жестко давили сверху – требовали без промедления запустить пятый энергоблок, готовый на 70 процентов. В январе 1986 года припятский горком партии не остановился даже перед выговором за долгострой заместителю Брюханова. Новость попала в местные газеты, и директор знал, что, если не ускорит монтаж энергоблока, следующим будет он сам. Теперь с трибуны съезда глава Совета министров Николай Рыжков предостерегал подчиненных от задержек при сооружении новых реакторов: «Минэнерго СССР в одиннадцатой пятилетке допустило срыв ввода в действие мощностей на атомных электростанциях, что вызвало дополнительную потребность в органическом топливе. Учитывая напряженность в топливном балансе страны и возрастающую роль атомной энергетики, подобные срывы в дальнейшем недопустимы». Благ мирного атома жаждали не только в Москве – региональные руководители выказывали не меньшее рвение. Брюханов не мог не заметить, как первые секретари выпрашивали для своих областей деньги на возведение атомных электростанций. Такую просьбу озвучил на съезде, например, нижегородец Христораднов. Пронягин, еще один высокопоставленный чиновник, упрекал Минэнерго за отказ от идеи открыть АЭС у них в Томской области. Приобщиться к атомной энергетике хотели все²⁰.

Ключи от врат атомного рая были в руках непосредственного начальника Брюханова. Анатолий Майорец возглавил Министерство энергетики и электрификации менее года тому назад. Пятидесятишестилетний министр горел желанием показать себя в деле. Задание ему дали труднейшее: за пять лет увеличить пуск новых реакторов на атомных станциях в два с половиной раза. При этом проектирование АЭС и полный цикл работ от рытья котлована до запуска реактора занимали семь лет. Майорец уверял делегатов, что этот срок можно сократить на два года, если начинать постройку станции еще до завершения ее проекта. Брюханов знал, как трудно следовать недоработанному документу – бумаге, в которой забыли про овраги. Поскольку на деле мало кто мог уложиться и в семилетний срок, сократить его до пяти казалось невозможным. Но раз партия приказала, а правительство потребовало, у руководителей АЭС не оставалось выбора.

¹⁸ *Осипчук И.* Легендарный академик Александров в юности был белогвардейцем // Факты. 2014. 4 февраля; *Аккерман Г.* Чернобыль сделал меня другим человеком // Новая газета. 2006. 2 марта.

¹⁹ *Semenov B.* Nuclear Power in the Soviet Union // IAEA Bulletin. 1983. Vol. 25. № 2. P. 47–59.

²⁰ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. С. 29, 54, 139.

Майорец завершил речь на бравурной ноте: «Разрешите заверить, что энергетики и энергостроители, воодушевленные решениями XXVII съезда КПСС, выполнят грандиозные планы партии и внесут достойный вклад в создание материальной базы коммунизма»²¹. Министр, видимо, забыл о том, что коммунизм партия уже не строит. С другой стороны, новичку в правительстве не мешало проявить кипучий энтузиазм.

Это вполне гармонировало с общей атмосферой съезда. Делегаты как будто прониклись лозунгом «вижу цель – не вижу препятствий». В рядах непоколебимых оптимистов был и Горбачев. Его доклад приняли на ура, его идею ускорения экономического развития за счет достижений научно-технического прогресса горячо поддержали, наконец, его самого избрал генеральным секретарем уже не только пленум ЦК, но и съезд. Авторитет Горбачева окреп, полномочия на проведение кардинальных реформ увеличились.

Сверх того, генсек пополнил состав политбюро преданными ему людьми. Одним из них был первый секретарь Московского горкома – Борис Ельцин. Решительный, как мало кто из начальства, он говорил с трибуны о том, о чем боялись спросить другие: «Почему из съезда в съезд мы поднимаем ряд одних и тех же проблем? Почему в нашем партийном лексиконе появилось явно чуждое слово „застой“? Почему за столько лет нам не удается вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений? Почему даже сейчас требование радикальных перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партийным билетом?» Его речь потрясла аудиторию, в основном состоявшую из тех, кто занимал свою должность со времен Брежнева. Слово «перестройка» в докладе Горбачева звучало десятки раз, но редко само по себе, как лозунг новой эпохи: почти всегда за ним следовало название отрасли, подлежащей перестраиванию. Упор пока что делали на «ускорение», введенное в язык партийного официоза сразу же после прихода Горбачева к власти весной 1985 года. Большинство делегатов верило, что страна в порядке. Надо было только встряхнуться, выйти из застоя и вернуться к подлинному марксизму-ленинизму²².

Заключительное заседание съезда провели 6 марта. Брюханов и его земляки собрали вещи и уехали домой в Украину. Перспективы атомной промышленности, да и страны в целом казались им радужными. Тем не менее директору ЧАЭС не давало покоя одно обстоятельство. Вечером по телефону из гостиничного номера он дал интервью тому же киевскому журналисту, который посетил его месяца три назад, накануне пятидесятилетия. После дежурных фраз о заботе партии и ее огромном внимании к развитию советского топливно-энергетического комплекса Брюханов со вздохом добавил: «Надо надеяться, что это будет способствовать и большему вниманию к надежности и безопасности атомной энергетики и нашей Чернобыльской АЭС в частности. Это для нас – самое актуальное». В газете интервью с Брюхановым вышло без этого предостережения²³.

---

²¹ Там же. С. 94–98.

²² Там же. С. 141–142.

²³ Болясний А. Указ. соч.; Болясний О. Діловитість, реалізм // Київська правда. 1986. 28 лютого.

Глава 2

Путь к Чернобылю

Вечером 6 марта 1986 года Михаил Горбачев, воодушевленный успехом, принимал в Кремлевском дворце зарубежных гостей съезда – главным образом посланцев компартий, командированных в Москву за счет хозяев, а советские делегаты на самолетах, поездах и автомобилях разъезжались по домам. Виктор Брюханов в компании других представителей Украины сел на ночной поезд в Киев.

Утром их торжественно встретили местные официальные лица. Вернувшихся обнимали, пожимали им руки, а женщинам вручали цветы – на следующий день, субботу, выпало 8 марта. На фотографии, снятой газетчиками на киевском вокзале утром 7 марта, Брюханов запечатлен в тех же дубленке и ондатровой шапке, в окружении других делегатов; у одной женщины в руках букет гвоздик. Директору ЧАЭС нужно было и самому раздобыть цветы для супруги и подумать о планах на выходной. Время для этого было – дорога от Киева до Припяти (около 150 километров) занимала добрых два часа²⁴.

Из Припяти за начальником прислали машину. Водитель выехал по проспекту на автострату Р-02, которая шла на север, вдоль огромного водохранилища, созданного для Киевской гидроэлектростанции в 1960-е годы. Затем они свернули на северо-запад, к Иванкову, и начались березовые рощи. Ближе к Чернобылю потянулись сосновые леса.

Впервые Брюханов проделал этот путь на автобусе в 1970-м, когда Припяти еще не существовало. Он был молод и полон энтузиазма. Мало кого назначали директором атомной электростанции в столь несолидном возрасте, но пока у него ничего не было, даже директорского кресла. Перед Брюхановым стояла задача возвести энергоблоки, административные здания и жилые дома для работников. В том числе для собственной семьи: жены Валентины и двух детей (девятилетней Лилии и годовалого Олега). Он поселился в единственной гостинице в Чернобыле – городе, именем которого назовут электростанцию. Директор изучал разложенную на кровати проектную документацию и договоры на первые, временные здания, запланированные на месте будущих ЧАЭС и Припяти. Строительство начнут лишь год спустя²⁵.

Тем временем семья перспективного руководителя оставалась в Донецкой области. Их домом все еще был Славянск, где Брюханов проработал несколько лет. Город получит недобрую славу в 2014 году: именно там произойдут первые бои в ходе русско-украинского конфликта и появятся первые жертвы. Для воюющих сторон Славянск имел большое значение как транспортный узел (там сходятся железные и автомобильные дороги) и промышленный центр. Брюхановы переехали туда в 1966 году, когда город стал интенсивно развиваться. Виктор получил должность на тепловой электростанции, работавшей на донбасском угле.

Первой электростанцией в карьере молодого инженера была Ангренская, близ Ташкента. В Ташкенте он и родился 1 декабря 1935 года. Виктор был старшим в многодетной рабочей семье переселенцев из Саратова. Он пережил войну, о которой помнил только, что ни разу не наедался досыта. В 24 года он закончил Ташкентский политехнический институт и уехал в Ангрэн. Там он познакомился с Валентиной, тоже работницей ТЭС и студенткой вечернего техникума. Позднее он вспоминал, что его пленили глаза девушки – в них можно было утонуть.

Валентина впервые увидела имя будущего мужа в местном журнале – он уже слыл сведущим и добросовестным инженером (довольно скоро его повысили до начальника цеха) – и подумала: «Какая дурацкая фамилия – не дай Бог...» Но после знакомства с Виктором,

---

²⁴ Куліков І., Лахтурова Т., Стрекаль В. Плани партії – плани народу // Київська правда. 1986. 8 березня.

²⁵ Василь М. Бывший директор ЧАЭС Виктор Брюханов: «Если бы нашли для меня расстрельную статью, то, думаю, расстреляли бы» // Факты. 2000. 18 октября.

юным, стройным и целеустремленным, смешная фамилия ее уже не смущала. Он добился ее любви, щедро заставляя подоконники дикими тюльпанами, которые привозил из командировок с соседнего Кураминского хребта. Через год они сыграли свадьбу и зажили в Ангрене счастливой семейной жизнью.

Идиллия на фоне тюльпанных полей закончилась ранним утром 26 апреля 1966 года – ровно за двадцать лет до Чернобыльской катастрофы. В этот день мощное землетрясение почти стерло с лица земли центр узбекской столицы. Лежали в руинах (в лучшем случае – требовали капитального ремонта) более 230 административных зданий, семьсот магазинов, столовых и чайных. Как ни странно, погибло всего восемь человек, но пострадавших было много, а крова лишились триста тысяч – каждый пятый житель Ташкента. Среди них оказались и родители Брюханова, чей кирпичный дом покрыли глубокие трещины. Брюхановым пришлось оттуда съехать. Ангрен от Ташкента отделяют немногим более ста километров, поэтому Валентина больше не желала оставаться в Узбекистане. Что, если другое землетрясение точно так же разрушит их город? Что постигнет их семью, уже из трех человек? Надо уезжать. Послушав жену, Виктор стал искать место на электростанциях в разных уголках Союза. Как выяснилось, в Украине не хватало именно такого человека. Брюхановы уехали в Славянск, где Виктора без особого промедления назначили начальником турбинного цеха, а затем главным инженером электростанции²⁶.

В 1966 году, когда они туда перебрались, Славянскую ТЭС еще достраивали. Как раз возводили новый цех – крупнейший в СССР, как позднее вспоминал Брюханов. Он решительно взялся за дело и вскоре вновь проявил себя как способный инженер и отличный организатор. Запускать новые цеха было крайне трудно, но между молотом строителей, неспособных уложиться в сроки, и наковальней плана выработки электроэнергии Брюханов держался стойко. Он знал свое дело, отдавался ему целиком, говорил мало, но умел найти общий язык с рабочими. Казалось, это прирожденный руководитель производства. Его заметили в Киеве и весной 1970 года предложили работу, для которой требовались те же качества. Но масштаб ее был уже иным: власти поручили ему построить новую электростанцию и в дальнейшем руководить ею. Для этого выделили участок у Чернобыля, далеко от угольных шахт. Новой станции уголь не понадобится – его заменит ядерное топливо.

Молодой инженер не мог решиться на такое сходу. Он спросил совета у жены. Валентина настороженно восприняла приглашение на АЭС специалиста по турбинам, не знакомого ни с ядерными реакторами, ни с атомной энергетикой в целом. Но в Киеве Брюханова заверили, что все электростанции похожи друг на друга. Так думали и в Москве. Инженеров, подготовленных к постройке атомных станций, практически не было: мирный атом для Советского Союза был еще в новинку. Брюханов отбросил колебания. Но прежде всего ему пришлось в полевых условиях учиться делу вроде бы более понятному – строительству громадных зданий. Задача оказалась трудной и поначалу неблагодарной. Директор призрачной тогда еще станции чуть не раскаялся в своем выборе, но позднее понял, что не ошибся.

В интервью по случаю пятидесятилетнего юбилея (в 1985 году) он заявил корреспонденту, что ни о чем не жалеет²⁷.

Еще меньше причин о чем-либо жалеть было у Брюханова в марте 1986 года, когда он на служебном автомобиле ехал с киевского вокзала в Припять. Перед ним лежала узкая автострада в две полосы. Снабжение ЧАЭС и прилегающего к ней атомграда во многом зависело от этой дороги.

²⁶ Самоделова С. Личная катастрофа директора Чернобыля // Московский комсомолец. 2011. 21 апреля; Шуневич В. Бывший директор ЧАЭС Брюханов: «В день взрыва в Припяти была моя беременная дочь» // Факты. 2019. 21 июня.

²⁷ Шуневич В. Указ. соч.; Medvedev G. The Truth About Chernobyl / Foreword by A. Sakharov. New York, 1991. P. 41–42; Болясий О. Прискорення тривалістю вісім років // Київська правда. 1985. 1 грудня.

Водитель Брюханов мог бы проехать по ней с закрытыми глазами – директор то и дело мотался между Припятью и Киевом. Партийное начальство, руководители министерств и главков находились в столице Украины, и Брюханов часто ездил туда на совещания. Подписи и печати под официальными документами можно было получить только в Киеве. Добрых два часа за окном проплывали пока еще заснеженные леса, и вот наконец показался райцентр. На въезде в Чернобыль они миновали знакомый бетонный знак с названием города, потом – памятник Ленину. Немного дальше простиралась центральная площадь, довольно большая для городка с населением, не превышавшим 14 тысяч человек.

Несмотря на строительство атомной электростанции, на стремительное развитие Припяти в десяти минутах езды на северо-запад, Чернобыль загадочным образом почти не изменился за предыдущие двадцать, а то и сорок лет – с тех времен, когда его имя мало кому что-нибудь говорило. Атомград служил символом будущего – научно-технического прогресса и социализма, – а райцентр пребывал в плену аграрного прошлого. И сам городок, и пристань на реке, которая кормила многие поколения чернобыльцев, пестрили дореволюционными зданиями.

Первое упоминание о Чернобыле в Киевской летописи датируется 1193 годом. Он стоял в охотничьих угодьях киевских князей, чьи предки правили огромной страной от Карпат до Онежского озера. Происхождение топонима летописи никак не поясняют, но исследователи позднее укажут на изобилие в округе полыни обыкновенной – *Artemisia vulgaris*. Этот кустарник легко узнать по темному стеблю, потому в народе его окрестили «чорнобыль» (ударение падает на предпоследний слог). Растение дало название городу, из-за чего потом Чернобыльскую аварию стали увязывать с библейским пророчеством о звезде Полынь.

Откровение Иоанна Богослова гласит: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „полынь“; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки». В этих стихах речь идет не о полыни обыкновенной, в честь которой назван город, а о полыни горькой – *Artemisia absinthium*. Тем не менее очень многие (в том числе Рональд Рейган) поверили, что автор Апокалипсиса предсказал Чернобыльскую катастрофу²⁸.

Что бы ни говорилось в Библии, Чернобыль долгие века оставался одним из центров Полесья – обширного и малолюдного региона, сплошных лесов и болот. После киевских им стали править великие князья литовские, а затем – польские короли. В середине XVII века городом овладели казаки Богдана Хмельницкого, но Чернобыль остался в пределах Речи Посполитой и в собственности магнатов. История обошла вниманием большинство его жителей и даже хозяев – за исключением красавицы Розалии Любомирской. Она родилась в семье Ходкевичей, которым и принадлежал город, вышла за князя Любомирского и на свою беду уехала в охваченный революцией Париж. Якобинцы отдали ее под суд как заговорщицу: слишком уж тесные знакомства она завела среди французских аристократов. Розалия Любомирская сложила голову на гильотине двадцати шести лет от роду, в июне 1794 года. Ее изображение сохранилось на стене в одном старинном чернобыльском здании – позднее там разместили неврологическое отделение больницы²⁹.

Если самую известную в мире уроженку Чернобыля погубила Французская революция, то 1917 год стал роковым для немалой части простых горожан. На рубеже XIX и XX веков

²⁸ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. Стб. 676–677; *Heilmeyer M. Ancient Herbs*. Los Angeles, 2007. P. 15–18; *Wright C. W. Artemisia*. London, 2002; Откровение 8: 10–11; *Cannon L. President Reagan: The Role of a Lifetime*. New York, 1991. P. 860.

²⁹ *Listy Aleksandra i Rozalii Lubomirskich*. Kraków, 1900; *Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864. С. 144–151; Чернобыль // Электронная еврейская энциклопедия. 1999 [eleven.co.il/diaspora/communities/14672].

среди населения 60 процентов составляли евреи – двумя столетиями ранее их предков пригласили туда польские магнаты. До революции Чернобыль был центром хасидизма. Местных евреев окормляли цадики из династии, основанной во второй половине XVIII века учеником Баал Шем Това (создателя хасидского учения) по имени Менахем Нахум Тверский. Книга рабби Тверского «Меор Эйнаим» («Свет глаз») стала для хасидов классическим текстом, а его потомки основали династии раввинов во многих городах Украины.

Чернобыльские раввины славились сбором денег на благотворительность. В начале XX века в городе насчитывалось, помимо синагоги, несколько молитвенных домов, училище для еврейских девушек и еврейская богадельня. Революция и Гражданская война не пощадили чернобыльских евреев. Их громили не только проходившие военные части, но и бандиты, среди которых преобладали местные крестьяне-попешуки³⁰.

Из еврейской молодежи много кто подался в красные – ведь эта грозная сила показала себя самой дружественной к местечковой бедноте. Большевики предлагали евреям кратчайший путь к эмансипации. Лазарь Каганович, один из архитекторов безжалостных советских реформ и правая рука Сталина, родился в 1893 году неподалеку от Чернобыля. В 1925 году Кагановича избрали генсеком КП(б)У. Под его началом коммунисты проводили политику коренизации – борьбы с обрусением народных масс и поддержки развития национальных культур (на украинском, идиш и других языках).

Но Сталин повел Советский Союз иным курсом, и Кагановичу пришлось сыграть в истории Украины намного более зловещую роль. Он выступил одним из организаторов Голодомора – катастрофического голода, жертвами которого только в УССР стали около четырех миллионов тех, кто уцелел во время Гражданской войны, а также их детей. Только Киевская область (в границах 1932–1937 годов) потеряла около миллиона жителей. В Хабенском районе, на малой родине Кагановича, смертность достигла 168 человек на каждую тысячу. Многие его земляки не дожили до того, как Хабное переименовали в Кагановичи Первые, а Кабаны, где он появился на свет, – в Кагановичи Вторые. Так в 1934 году диктатор наградил Кагановича за то, что тот принес в жертву Кремлю жизни и здоровье своих земляков³¹.

Новые бедствия принесла Вторая мировая война. Вермахт занял Чернобыль 25 августа 1941 года. Три месяца спустя, 19 ноября, оккупанты приказали евреям, которых в городе оставалось около четырехсот, собраться у синагоги. Оттуда их под конвоем отвели в еврейский колхоз «Нае Велт» («Новый мир»), расстреляли и погребли в противотанковом рве. Среди жертв были и те, кто летом копал этот ров по приказу красных командиров, пытавшихся остановить немецкое наступление. Еврейская община сильно пострадала, но не исчезла полностью, хотя времена, когда к ней принадлежало большинство горожан, ушли безвозвратно. В 1970 году, когда в Чернобыль прибыл Брюханов, там жило полторы сотни еврейских семей. В здании синагоги располагался военкомат.

Некоторые евреи сумели укрыться у партизан в соседних лесах. Организованные коммунистами отряды, набранные из местных крестьян (украинцев и белорусов), действовали в округе с осени 1941 года. Местные же кадры пополняли созданную оккупантами полицию. Стойки между ними приводили к жестоким вендеттам. Население сгоняли на казни партизан, а когда удача отвернулась от Рейха, их место заняли полицаи. Эти зрелища усугубляли травму

³⁰ Czarnobyl // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880. Т. I. S. 752–754; *Похилевич Л.* Указ. соч. С. 144–151; Чернобыль // Электронная еврейская энциклопедия.

³¹ Національна книга пам'яті жертв Голодомору 1932–1933 років в Україні: Київська область. Київ, 2008. С. 17, 1126–1131; Книга памяти жертв Голодомора // Чернобыль и чернобыляне [chernobylpeople.ucoz.ua/publ/istorija_chernobylja_i_rajona/golodomor/kniga_pamjati_zhertv_golodomora/31-1-0-97]; МАПА: Digital Atlas of Ukraine [harvard-cga. maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=f7592aad617f486390d086f91bb24be3].

мирных жителей. Сведение счетов между родными и близкими солдат «малой войны» затянется на долгие годы после победы над нацизмом³².

Красная армия отбила у немцев этот уголок Полесья осенью 1943 года после долгих и кровопролитных боев. Порт на Припяти (основа местной экономики), мосты через реку, железнодорожная станция – все это имело значение для обеих сторон. Красная армия несла огромные потери. Только героев Советского Союза в боях погибло десять человек. Долгожданное освобождение от нацистов обернулось для чернобыльцев новыми страданиями. Когда власть в очередной раз сменилась, годное к службе мужское население немедленно призвали. Многие из тех, кто пережил оккупацию, теперь очутились на поле битвы без подготовки, часто без оружия и обмундирования. Случалось, что «чернопиджачники» погибали прямо на окраине родного села или города.

На выезде из Чернобыля Брюханов увидел в окно машины знакомый силуэт. Справа у дороги возвышалась статуя красноармейца, установленная в память уроженцев Копачей, которые не вернулись с войны, и воинов, павших при освобождении села в 1943 году. Первых было намного больше. Там, где были погребены погибшие в ходе полуторамесячных боев за город, позднее разбили Парк славы. Аллея героев вела к обелиску (в позднесоветское время там горел вечный огонь). Надпись на одном из памятников в парке гласила: «Воинам-освободителям – от трудящихся Чернобыльского района. 9 мая 1977 г.» По сторонам – таблички с именами генералов и названиями войсковых частей, которые изгнали оккупантов³³.

Брюханов много раз принимал участие в торжественных мероприятиях ко Дню победы, проходивших 9 мая в чернобыльском Парке славы. Культ героев Великой Отечественной войны (на языке того времени – ни в коем случае не «Второй мировой») распространялся лишь на тех, кто носил форму Красной армии. О жертвах «окончательного решения» еврейского и других вопросов старались лишний раз не вспоминать. Им не ставили памятников. Да и упоминания о Голодоморе находились под строгим запретом.

Миновав статую солдата, водитель и пассажир почти сразу же увидели белеющую на горизонте громадную градирню Чернобыльской АЭС. Там, говоря языком коммунистического официоза, рассеивались тени прошлого, а чудеса технического прогресса вели прямым в светлое будущее. Справа от канала, вдоль которого ехал Брюханов, маячили гигантские строительные краны, под ними виднелись стены строящегося пятого энергоблока. Затем показались белые стены рабочих энергоблоков. Третий и четвертый находились в одном огромном здании, первый и второй стояли порознь.

Участок возле Копачей выбрали для возведения атомной станции в сентябре 1966 года, а искать подходящее место начали годом раньше. Толчком к этому послужила докладная записка, поданная в ЦК КПУ заместителем председателя Совета министров Украины Александром Щербанем. Бывший вице-президент Академии наук УССР и один из первых энтузиастов мирного атома указывал на недопустимо низкую мощность украинских электростанций. Если не найти как можно скорее новые источники энергии, предупреждал он, экономическое развитие республики может застопориться.

Щербань знал, что в РСФСР в 1964 году запустили две АЭС, и предлагал соорудить в Украине целых три: на юге, на западе и в районе Киева. Его поддержало начальство: глава правительства Владимир Щербицкий и первый секретарь (и одновременно член Президиума ЦК КПСС) ЦК Петр Шелест. Шелест обратился в Москву с просьбой включить проект Щербаня в общесоюзный план постройки атомных электростанций. Столица дала добро только на одну

³² Чернобыль в годы Отечественной войны. Город в годы немецкой оккупации. Битва за Чернобыль // Чернобыль, Припять, Чернобыльская АЭС и Зона отчуждения [chernobyl.in.ua/chernobil-war.html].

³³ Лащенко П. Из боя – в бой. М., 1972.

АЭС. Такая скупость разочаровала Киев, но не слишком – республика все же приобретала ядерные реакторы, то есть новейшую, престижную, окутанную секретностью технологию³⁴.

В сентябре 1966 года Совет министров издал постановление, которым приказывал начать подготовительные работы у села Копачи – там предстояло выстроить АЭС, тогда фигурировавшую под названием Центрально-Украинской. В ноябре сформировали комиссию, и та быстро утвердила участок возле Копачей. Село было довольно крупным, насчитывало более тысячи жителей, зато вокруг простирались почти безлюдные дебри. Копачи лежали далеко от больших городов и мест отдыха – еще один участок забраковали именно из-за соседства с курортом. Важное преимущество для АЭС давала и близость Припяти, при этом болот на участке не было. Не менее полезна была и станция железной дороги, проложенной еще в годы первой пятилетки, под общим руководством уроженца Чернобыльщины Кагановича.

Недостатки, само собой, у Копачей тоже нашлись. Подземные воды залегали неглубоко, и по этой причине укрепление грунта при закладке фундаментов требовало масштабных земляных работ. Помимо песка, местность не располагала никаким строительным материалом – даже камнем. Но комиссия не придавала таким трудностям особого значения. С точки зрения сельского хозяйства район Копачей выглядел малоперспективным, поэтому превращение его в промышленную площадку не наносило ущерба местной экономике. Согласно проекту, водоем-охладитель АЭС должен был стать самым крупным объектом на территории станции и города атомщиков. Всего для них выделили 1400 гектаров заливных лугов, 130 гектаров леса и около 150 гектаров обрабатываемых земель, из которых треть приходилась на огороды, а остальное – на пашни.

Комиссия выбрала это село из шестнадцати предложенных вариантов. Название электростанции позднее изменили на Чернобыльскую – Центрально-Украинская выглядела бы нелепо на севере, у самой белорусской границы. (Мнения Минска, скорее всего, никто не спрашивал.)³⁵

Работы по возведению станции начались уже под руководством Брюханова. Летом 1970 года директор переехал из номера чернобыльской гостиницы в вагончик-бытовку площадью менее шести квадратных метров. Оттуда он командовал растущим корпусом инженеров и бригадами строителей, оттуда же мотался то в Киев, то в Москву. Григорий Медведев, назначенный в 1971 году заместителем главного инженера первого энергоблока ЧАЭС, сохранил приятные воспоминания о станции и атомграде на заре их существования: «Вокруг – редкий молодой сосняк, как нигде в другом месте пьянящий воздух. Песчаные холмы, поросшие низкорослым лесом, проплешины чистого желтого песка на фоне темно-зеленого мха. Снега нет. Кое-где – пригретая солнцем зеленая трава. Тишина и первозданность»³⁶.

Тишине, впрочем, настал конец. Экскаваторщики, работая круглые сутки, вырыли котлованы общим объемом в семьсот тысяч кубометров. В августе 1972 года министр энергетики и электрификации СССР Петр Непорожний, лично прибыл на первую заливку бетона в фундамент. Звучали громогласные речи, принимались социалистические обязательства... Однако сооружение корпусов и монтаж реактора потребовали намного больше времени, чем планировали в верхах. Электростанция должна была дать первый ток уже в 1975 году, но поставки деталей реактора и прочего оборудования запаздывали. В апреле 1975 года, когда подходил установленный срок сдачи объекта, Щербицкий (в то время – уже первый секретарь ЦК КПУ) обратился за помощью лично к Косыгину. Это дало результат – необходимые поставки наконец

³⁴ Боре́йко В. История охраны природы Украины, X век – 1980 г. Киев, 2001. Гл. 9.

³⁵ Вибір майданчика // Чорнобильська АЕС [chnpp.gov.ua/uk/history-of-the-chnpp/chnpp-construction/9-2010-09-08-09-57-419]; Боре́йко В. Указ. соч.; Ярошинская А. Чернобыль: 20 лет спустя. Преступление без наказания. М., 2006. С. 238; Шелест П. Справжній суд історії ще попереду: Спогади, щоденники, документи, матеріали. Київ, 2003. С. 465–466; Чернобыльская атомная электростанция: Генеральный план поселка. М., 1971. С. 10.

³⁶ Медведев Г. Чернобыльская тетрадь: Документальная повесть. Киев, 1990. С. 28.

пошли без перебоев. В августе 1977 года ядерное топливо впервые загрузили в активную зону реактора. В сентябре уже рабочую электростанцию подключили к энергосистеме, а в декабре Брюханов подписал акт приемки первого энергоблока в эксплуатацию³⁷.

После этого директор стал заведовать уже не столько строительством, сколько работой атомной электростанции как таковой. «1977 год войдет в историю советской атомной энергетики как год рождения энергогиганта на Припяти», – заявил он в статье, опубликованной в одной из ведущих украинских газет через две недели после подписания акта. Слова о начале новой эры не были пустой риторикой. В декабре 1978 года к энергосистеме подключили уже второй энергоблок. Ровно через три года – третий. Наконец, в декабре 1983 года произошел запуск четвертого энергоблока³⁸.

Подключение каждого из них к энергосистеме именно в декабре не было случайностью. Перед завершением отчетного периода на работников АЭС оказывали огромное давление сверху, поскольку партийным руководителям и министру не терпелось отрапортовать об успехах в годовых отчетах. С другой стороны, невыполнение годового плана оставляло строительные бригады и коллектив станции без премии – важной статьи семейного бюджета.

Ни один из энергоблоков не был готов в установленное время. Инженер-атомщик Анатолий Дятлов, приехав в 1973 году на Чернобыльскую АЭС, увидел на здании столовой лозунг – призыв сдать первый энергоблок в 1975 году. Рабочие призыву не вняли, и пятерку со временем переделали в шестерку. Дятлов вспоминает: «До 31 декабря говорить вслух о невозможности пуска в этом году нельзя. Потом приезжает эмиссар и начинается составление новых нереальных планов и графиков». Представитель министерства требовал уложиться в такой график, хотя все понимали, что это невозможно. «В первое время начинается нервотрепка из-за жесткого контроля выполнения графика, невыполнимого с момента составления, – продолжает Дятлов. – Жесткие оперативные совещания, ночные вызовы на работу. Неизбежное отставание увеличивается, контроль спадает, начинается нормальная работа. До следующего приезда руководителя»³⁹.

Брюханову пуск каждого из четырех энергоблоков запомнился на всю жизнь. Как правило, директор винил в задержках и недостатках строителей. На собрании припятского горкома партии Брюханов критиковал подчиненных: «Отсутствие культуры на производстве, то есть в цехах комбината, переносится на строительные площадки, и в брак деталей, и в брак в работе. Возьмем такую простую вещь – геометрию углов. Кривые дверные и оконные проемы, криво прибитые отделочные детали, невыдержанные углы наклона при монтаже сантехнических узлов». Положение руководителя ЧАЭС было непростым – ведь именно ему приходилось подписывать акты об успешном завершении работ. Начальство хотело скорее доложить на самый верх о выполнении плана, рабочих волновали разве что премии, в то время как на Брюханова ложилась ответственность за безопасное и бесперебойное производство энергии атомной станцией. Что еще хуже, власть одновременно была и подрядчиком, и заказчиком. И строительный трест, и АЭС находились в подчинении одних и тех же центральных комитетов партии в Киеве и Москве. Стоило Брюханову перегнуть палку с нареканиями на качество и темпы работы строителей, его могли бы просто уволить⁴⁰.

Машина директора наконец подъехала к Припяти – городу, возникшему у него на глазах и при его деятельном участии. Иногда Виктор Петрович думал, не уехать ли ему оттуда. Жизнь

³⁷ Мышляев К. Первый бетон на Чернобыльской атомной // Правда Украины. 1972. 16 августа; Проектування та будівництво // Чорнобильська АЕС [chnpp.gov.ua/uk/history-of-the-chnpp/chnpp-construction/11-2010-09-08-10-40-3911].

³⁸ Брюханов В. Энерговелет працює на комунізм // Радянська Україна. 1985. 30 грудня.

³⁹ Дятлов А. Чернобыль: Как это было. М., 2003. Гл. 4. С. 29–30.

⁴⁰ Лісовий В. Грані характеру // Прапор перемоги. 1986. 25 лютого. В городском комитете компартии Украины // Трибуна енергетика. 1986. 31 января.

в Припяти утомила – хотелось попробовать что-то новое. В Москве у него спрашивали, нет ли желания поработать за границей. Например, на Кубе, где в 1983 году начали постройку первого ядерного реактора под началом советских инженеров-атомщиков и конструкторов. Но мысли об этом были лишь минутной слабостью. Брюханов остался в Припяти.

Припять лежала в каких-то трех с половиной километрах от энергоблоков. Дорога вела от станции прямо на главную улицу города – проспект Ленина, украшенный деревьями и цветами, высаженными на разделительной полосе. Широкий проспект выходил на центральную площадь, на которой стояли горком партии, горисполком, дворец культуры «Энергетик», гостиница «Полісся» – напоминание о том, где находился город. Две главные городские артерии – вышеупомянутый проспект Ленина и улица Курчатова – пересекались на центральной площади. На углу, фасадом к площади, возвышался девятиэтажный «белый дом» – самый престижный во всей Припяти⁴¹.

На четвертом этаже, по соседству с другими представителями элиты, обитали Брюхановы. Для них это было уже второе жилье в городе. В свое время они въехали в первый многоэтажный дом, построенный в Припяти – в 1971 году – на том же проспекте Ленина, но ближе к станции. Тогда новоселье требовало благословения киевского партийного начальника. Квартиры на заре существования Припяти можно было пересчитать по пальцам, а власти никоим образом не хотели обделить рабочих при раздаче благ и привилегий. Атомграду надлежало стать эталоном социалистического быта, поэтому там не было места частному сектору. В многоквартирных домах к 1975 году планировалось поселить около двенадцати тысяч строителей и работников АЭС. Предполагалось, что пять лет спустя, когда ток будут давать уже четыре энергоблока, число горожан достигнет восемнадцати тысяч. А затем слегка упадет – до семнадцати тысяч, и в течение еще пяти лет будет оставаться неизменным. На самом же деле Припять росла куда более стремительно и к 1986 году насчитывала уже около пятидесяти тысяч жителей. Жилья по-прежнему не хватало⁴².

Центральный комитет ВЛКСМ объявил возведение атомной электростанции и города атомщиков Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, привлекая на Чернобыльскую АЭС молодежь из разных уголков страны. Как правило, уговаривать людей не приходилось – Припять манила многих. От дефицита жилья страдали чуть ли не все города СССР, но далеко не в каждом доме строили с таким рвением и столь качественно. Город обладал особым статусом в республике и в стране – снабжение потребительскими товарами было на высоте. Мирный атом все еще грелся в лучах славы военно-промышленного комплекса, щедро наделенного различными привилегиями.

К середине 1980-х годов достать колбасу или сыр стало нешуточной проблемой почти везде. Зато в Припяти их по-прежнему выкладывали на полки магазинов. Вывески в местном универмаге не лгали. Хуже обстояло со свежим мясом, которое продавалось с «нагрузкой» в виде костей и сала. Но хорошее мясо и молоко можно было купить в окрестных селах. Припять слыва благополучной, поэтому тысячи людей, особенно из тех самых ближних сел, мечтали о переезде в город. Отыскав вакансию – обычно на стройке, – они стремились перейти затем на атомную станцию, где за выполнение и перевыполнение плана давали премии.

Приезжали в Припять главным образом молодые люди, часто – холостяки и незамужние девушки. В 1986 году средний возраст горожанина составлял 26 лет. Одинокие занимали комнаты в общежитиях, молодые семьи селились в малосемейные общежития и квартиры-гостинки. У молодых родителей и дети были маленькие. В пяти начальных школах города число параллельных классов доходило до пятнадцати – в каждом три десятка учеников, если не больше. В то же время сельские школы, как правило, с трудом могли наскрести на один-два

⁴¹ Дворжецкий В. Припять – эталон советского градостроительства. Киев, 1985.

⁴² Чернобыльская атомная электростанция. С. 13.

параллельных класса, а обычные городские – на три или четыре. Припяти такая перспектива не грозила: каждый год население города пополняла добрая тысяча новорожденных младенцев⁴³.

Для занятий спортом имелось два стадиона и несколько плавательных бассейнов, один из них – олимпийского класса. Брюханов гордился зданиями, построенными за счет Чернобыльской АЭС. Но необходимость постоянно тратиться на городские нужды его раздражала. Ответственность за Припять несли горком партии и горисполком, однако их казна вечно пустовала. Поэтому местная власть не могла удержаться от соблазна запустить руку в громадную кубышку предприятия-спутника. Отцы города беспрестанно досаждали Брюханову просьбами раскошелиться на очередной объект, но этим еще можно было пренебречь. Другое дело – областное или республиканское начальство, которому он подчинялся. Особенную склонность к волюнтаризму проявил Григорий Ревенко (второй, затем и первый секретарь Киевского обкома партии, в 1991 году – руководитель аппарата президента СССР). Ревенко велел Чернобыльской АЭС выделить средства на постройку бассейна, подходящего для международных соревнований. Брюханов протестовал, но тщетно. «Я ему: такие бассейны предусмотрены нормативами только в городах-миллионниках. А он: строй! И строили», – вспоминает Брюханов. Позднее секретарю обкома пришла на ум идея разнообразить досуг горожан еще больше – преподнести им крытый каток⁴⁴.

Директор ЧАЭС понимал, что бассейны и площадки для занятий спортом принесут немалую пользу его работникам. Не помешают и торговые точки – ведь план города предусматривал только один универмаг. Брюханов находил на это деньги, для чего иногда даже водил за нос Госбанк – брал кредиты для станции, а тратил их на Припять. Беседуя с репортером в конце 1985 года, незадолго до съезда, Брюханов в сердцах брякнул: «Привыкаем к ненормальному, оно уже вроде как нормальное воспринимается. Вот что страшно!» Городские дела отвлекали его от станции, тогда как все время и силы нужно было отдавать ей – в том числе чтобы гарантировать безопасность. Брюханов не особенно подбирал слова: «На таком фоне второстепенным главное становится – обеспечение надежности и безопасности нашей работы. Что ни говори, мы все же не обычное предприятие. Не приведи Бог, что-то серьезное стрясется у нас, – боюсь, не только Украине, но и всему Союзу с этой бедой не справиться»⁴⁵.

Но сейчас можно было отвлечься от этих тревожных мыслей. Брюханов наконец-то вернулся домой. Завтра – 8 марта, возможность поздравить жену, провести время в кругу друзей. Дочь Лилия уже вышла замуж и жила отдельно; они с мужем оканчивали мединститут. Поздравлять ее с праздником придется по телефону, но родители надеялись, что молодая семья скоро навестит их в Припяти. Виктор и Валентина ждали появления первого внука. Брюханову пришлось добиваться всего в жизни упорным трудом, однако жизнь его труд щедро вознаграждала. Казалось, 1986 год сулит только успехи. Во-первых, директор ЧАЭС побывал в Москве на партийном съезде. Во-вторых, поговаривали о вручении ему звезды Героя Социалистического Труда. Само собой, план обязательно надо будет выполнить и перевыполнить – но этим Брюханова было не испугать. Он не раз с этим справлялся⁴⁶.

На следующее утро, в праздничный день, в главной областной газете напечатали фотографию руководителя Чернобыльской АЭС среди других делегатов съезда – днем раньше, на

⁴³ Щеглов И. Эталонный советский город: воспоминания припятчанина // РИА Наука. 2009. 24 апреля [ria.ru/20090424/169157074.html]; Шигапов А. Чернобыль, Припять, далее нигде... М., 2010 [royallib.com/read/shigapov_artur/chernobil_pripyat_dalee_nigde.html#0].

⁴⁴ Шуневич В. Бывший директор Чернобыльской атомной электростанции Виктор Брюханов: «Ночью, проезжая мимо четвертого блока, увидел, что верхнего строения над реактором... нету!» // Факты. 2006. 28 апреля.

⁴⁵ Шигапов А. Указ. соч.; Шуневич В. Указ. соч.; Болянский А. Когда исключения часто повторяются, они становятся нормой // Вестник. 1999. Т. 214. № 7.

⁴⁶ Шуневич В. Указ. соч.

киевском вокзале. Брюханов сдержанно улыбался, выглядел усталым, но вполне довольным. Как человек, который сам строит свою жизнь и жизнь тех, кто его окружает⁴⁷.

---

⁴⁷ Куліков І., Лахтурова Т., Стрекаль В. Указ. соч.

Глава 3

Электростанция

В марте 1986 года для Брюханова, его коллег и подчиненных ничего не было важнее всесоюзного совещания представителей заводов, снабжавших Чернобыльскую АЭС строительными материалами и оборудованием. На трехдневном совещании, созываемом в конце месяца, надлежало согласовать планы руководства атомной электростанции, строительного треста и предприятий-поставщиков. А также придумать, как выйти из тупика, в который зашло сооружение нового энергоблока – пятого. План по строительным работам на 1985 год выполнен не был, и надежда на запуск реактора в наступившем году понемногу таяла. С другой стороны, на XXVII съезде партия велела строителям в течение следующей пятилетки воздвигать ядерные объекты вдвое быстрее⁴⁸.

Из отцов-основателей Припяти от успеха встречи с поставщиками больше всех выиграл бы Василий Кизима – пятидесятичетырехлетний начальник управления строительства Чернобыльской АЭС. Именно он командовал постройкой каждого энергоблока атомной станции. Он обладал огромной властью и авторитетом в Припяти – даже большими, чем Брюханов. Если Брюханов жил в квартире, пусть и в лучшей девятиэтажке Припяти, то Кизима имел собственный дом – хотя частный сектор в городе вообще не предполагался. В середине 1970-х годов на чернобыльскую стройку пожаловал сам Щербицкий, и Кизима показал себя так, что первый секретарь ЦК КПУ велел провести молодого управленца в Верховный Совет УССР. Таким образом, начальник управления получил не только прибавку к зарплате, но и очередную «звезду на погоны» – гарантию большей независимости от местных партийных и государственных чиновников. В 1984 году Кизиме присвоили звание Героя Социалистического Труда. Брюханов, несмотря на участие в съезде партии, такой награды пока только ждал⁴⁹.

Картина довольно нелепая, если взглянуть на результаты работы обоих – главным образом на соблюдение коллективами Брюханова и Кизимы назначенных им сроков. Строители под началом Кизимы не сдали вовремя ни одно из четырех зданий для ядерных реакторов, а вот инженеры-атомщики Брюханова исправно тянули лямку и план обычно даже перевыполняли. Не стал исключением и 1985 год, когда Чернобыльская АЭС произвела 29 миллиардов киловатт электроэнергии – столько же, сколько все электростанции Чехословакии. Этого тока хватало на тридцать миллионов квартир, а значит, он покрывал годовые потребности в электричестве половины советских граждан. Таким образом, план выполнили почти на 110 процентов, как сообщала припятская «Трибуна энергетика». В том же январском номере дали заметку под названием «Почему не выполнен план 1985 года по АЭС?». Заголовок умалчивал, что провалили поставленное задание не атомщики, а строители⁵⁰.

Тем не менее Кизиму берегли от взбучки в газете, и он все так же ходил у начальства в любимцах. Объяснить это нетрудно: при вечной нехватке материалов и опытных работников командование строительным трестом в глазах властей выглядело куда более головоломной задачей, чем руководство электростанцией. И Кизима справлялся с ней лучше и быстрее, чем многие его коллеги.

Он появился на свет в крестьянской семье в январе 1932 года на Киевщине (в селе Затонском). Младенцем пережил Голодомор. Василию повезло больше других – Таращанский район,

⁴⁸ Обращение коллектива строителей и эксплуатационников Чернобыльской АЭС // Трибуна энергетика. 1986. 21 марта.

⁴⁹ Волошко В. Город, погибший в 16 лет // Зона ЧАЭС [chernobyl. clan.su/publ/3-1-0-3].

⁵⁰ Малиновская Е. Есть 140 миллиардов // Трибуна энергетика. 1986. 17 января; Почему не выполнен план 1985 года по АЭС // Там же; Tarnizhevsky M. Energy Consumption in the Residential and Public Services Sector // Energy. 1987. Vol. 12. October–November. P. 1009–1012.

его малая родина, потерял каждого третьего. Соседний Володарский район пострадал еще сильнее: до 1934 года не дожило 47 процентов населения. Дети и старики от голода умирали первыми. Подростком пережил он и ужасы нацистской оккупации 1941–1944 годов. Окончив местную школу, Василий поехал в Киев учиться на инженера, а боевое крещение принял на строительстве тепловых электростанций в западных областях УССР. В 1971 году, уже опытным прорабом, он вернулся на Киевщину и взвалил на себя ответственность за объекты, не сулившие ему легкой жизни, – будущие атомград и атомную электростанцию⁵¹.

С самого начала Кизима прямо заявил вышестоящим начальникам: на стройке отдавать приказы будет только он сам. Посланцам из столичных министерств делать там нечего. Эмиссары убрались, но в Припяти все равно сохранялось двоевластие – Брюханов и остальная верхушка АЭС никуда не делись. Если Брюханов пользовался уважением за профессионализм, но слыл человеком холодным, то Кизима обладал и хваткой истинного командира производства, и харизмой политика. На вышестоящее начальство он производил двоякое впечатление: широта мышления нравилась, ловкость настораживала. Рабочие принимали Кизиму за своего парня, а помощники знали, как он бывает суров.

Таким образом, Брюханова просто уважали, а Кизиму или боготворили, или боялись. Сами они в итоге научились работать слаженно, не наступая друг другу на ноги и делая, по сути, общее дело – ведь управление строило здания для атомной станции. Благополучие начальника управления и директора АЭС во многом зависело от их синергии.

Каковы бы ни были личные отношения Кизимы с Брюхановым, их подчиненные время от времени конфликтовали на почве производственной, социальной или культурной. Инженеры-атомщики, как правило, происходили из крупных русских городов, имели дипломы лучших вузов страны и принесли с собой не только профессиональные навыки и знания, но и любовь к комфорту, городскую культуру, а порой и барство. В строительный трест шли главным образом местные колхозники. У первых родным языком был русский, у вторых обычно украинский. На улицах города часто звучал суржик – смешанная русско-украинская речь.

Отделение милиции старалось не допускать трений между двумя группами. Порой приходилось разнимать драки с участием «несознательной молодежи» (прежде всего – «рексов», как прозвали сельских парней, которых сотнями нанимал на стройку Кизима). Самые горячие дни совпадали с выплатой аванса и полочки. Обычай требовал их непременно обмыть – понятное дело, в компании. Милиционеры бдительно следовали за каждой группой молодежи числом более пяти человек. Но даже такая страховка помогала не всегда. В 1985 году горячие головы побуждали на славу – переворачивали машины, били окна⁵².

Тем, кто попал на атомную электростанцию (молодым или нет), строители обычно завидовали – работа у них была почище, зарплату получали высокую, и в многоквартирные дома из общежитий перебирались быстрее тех, кто эти дома строил. Работяги верили, что у них на стройке царят искренность, прямота, братство, зато на станции сплошь лицемеры и прохиндеи. Большинство атомщиков придерживались другого мнения⁵³.

Кизима заведовал своим управлением по-старосветски. Начальники подразделений трепетали, получив приглашение на тарелку борща в «Ромашку» – одну из столовых ЧАЭС. Во главе длинного стола, словно глава семьи, восседал Кизима, по обе стороны ютились его «дети». Один из киевских журналистов воспроизводит эту картину так: все молча хлебает борщ, и вдруг тишину прерывает резкий, требовательный голос Василия Трофимовича. Такая-

⁵¹ Кизима Василий Трофимович // Герои страны [www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=16214]; MAPA: Digital Atlas of Ukraine [harvard-cga. maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=f7592aad617f486390d086f91bb24be3]; *Волошко В.* Указ. соч.

⁵² *Шигапов А.* Чернобыль, Припять, далее нигде... М., 2010 [royallib. com/read/shigapov_artur/chernobil_pripyat_dalee_nigde.html#0].

⁵³ *Щербак Ю.* Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 31.

то мехколонна не доставила вовремя на стройку кран или такой-то бетонный завод не выполнил в полном объеме заявку бригады бетонщиков. Кизима, с его цепкой памятью, не только знал свой многочисленный персонал по имени и отчеству, но и мог подробно изложить поставленные каждому участку задачи, перечислить наличные материалы и оборудование⁵⁴.

Начальника управления знали как патриота Припяти, способного найти средства для сооружения не только энергоблоков, но и общественных зданий, жилых домов, объектов инфраструктуры города. Сверх того, он не уступал давлению сверху и наспех здания не строил. Когда партийные бонзы упрекали его тем, что дворец культуры в городе атомщиков никак не окончат, Кизима привел в пример Владимирский собор в Киеве: воздвигали храм не один десяток лет, зато и стоит он долго. Начальник управления не побоялся такой параллели, хотя в одном месте народу прививали социализм, а в другом – пичкали «опиумом». Василий Трофимович не торопился еще и потому, что хотел одарить город лучшим в Украине дворцом культуры. Он правдами и неправдами доставал мрамор, алюминий (этот металл тогда отпускали только с разрешения Совмина СССР), красное и черное дерево для паркета. Паркет настилали те же мастера, что работали в Мариинском дворце и здании Верховного Совета УССР⁵⁵.

Сооружение пятого энергоблока ЧАЭС обернулось невиданными ранее трудностями. За пятнадцать лет Кизима научился руководить строительством зданий для ядерных реакторов и даже сокращать отставание от плана до минимума. Но теперь – после съезда в Москве, где партия сделала главную ставку на мирный атом, – план по запуску нового реактора отводил ему не три, а всего лишь два года. Работы над пятым энергоблоком начали в 1985 году и к концу следующего должны были закончить. Анатолий Майорец, новый союзный министр энергетики и электрификации, горел желанием войти в историю отрасли – ведь именно он заверил делегатов съезда, что ничто не мешает сократить время возведения атомной электростанции с семи до пяти лет.

За три месяца до XXVII съезда Майорец приехал на ЧАЭС для ознакомления с ходом строительства. И для раздачи подзатыльников, поскольку работы уже отставали от графика. В его присутствии киевский обком партии формально обратился к строителям с призывом трудиться прилежнее. Власти применили свое главное оружие – шквал выговоров чиновникам, назначенным козлами отпущения. Выговоры делали устно, письменно и с занесением в учетную карточку партии. Если не помогало и это, виновным грозило увольнение. Если же помогало, выговоры снимали, чиновников поощряли – и так по кругу. В январе 1986 года досталось управленцам из Припяти, в том числе заместителю Брюханова Соловьеву, ответственному за строительство (иными словами, за взаимодействие с людьми Кизимы). Горком партии вынес нерадивому чиновнику худший вид выговора – с занесением. Кизиме и его окружению снова удалось избежать показательной порки.

Кизима с невиданным для советского функционера упорством отказывал партийным начальникам, когда те пытались оторвать его и его людей от работы на возводимой им атомной электростанции и строительстве обожаемого им города – рук и так не хватало. Изуродованное коллективизацией сельское хозяйство неизменно плелось в хвосте союзной экономики. Наверху придумали выход: крупные промышленные предприятия и научные учреждения брали над колхозами «шефство». На деле это значило периодическое обращение горожан в крепостных крестьян. Припяти скидки не делали: и рабочие со стройки, и атомщики со станции должны были ездить на поля, а местная газета – печатать о них вести с тех самых полей.

⁵⁴ Болясный А. Когда исключения часто повторяются, они становятся нормой // Вестник. 1999. Т. 214. № 7; Цибульський А. За шістдесят кроків від реактора // Київська правда. 2016. 26 квітня [www.facebook.com/KiivskaPravda/posts/1257118560979876].

⁵⁵ Цибульський А. Указ. соч.; Филипчук Н. Вы строите станцию на проклятом месте, – предупреждала местная бабка // Голос України. 2007. 26 сентября.

Хотя Брюханов и выражал свое недовольство, сотрудники Чернобыльской АЭС регулярно трудились в близлежащих колхозах. Кизима же просто сказал «нет».

Однажды, когда очередной партийный деятель настойчиво поучал Кизиму, тот побагровел и велел секретарше соединить его с первым секретарем обкома КПУ. Объяснив секретарю ситуацию, Василий Трофимович отрезал: «Вы уж решите там: или я начальник, или он». И бросил трубку. Этим и кончилось. Атомная энергетика имела такое значение, что партии приходилось закрывать глаза даже на подобные выходки. Начальник управления, конечно, играл с огнем⁵⁶.

Одним из приемов, которые он пускал в ход против давления сверху, было использование средств массовой информации. Таким образом можно было повлиять на власти, чтобы те заставили смежников вовремя давать стройке все необходимое. Кизима научился играть в эту игру задолго до наступления эпохи гласности, провозглашенной Горбачевым. Весной 1980 года Кизиму и Брюханова вызвали в Москву – отчитаться перед заместителем председателя Совета министров о готовности третьего энергоблока. На совещание прибыли и делегаты с других АЭС, но худшие показатели были именно у Чернобыльской. Если в среднем план по строительству был выполнен почти на 90 процентов, у гостей из Припяти не набралось и не хватало квалифицированных работников, оборудования, материалов. Кизиме и Брюханову приказали наверстать упущенное за месяц – фантастический срок, при том что они уже отставали где-то на квартал⁵⁷.

Уложиться в новый срок было невозможно, а неисполнение приказа высшего государственного руководства грозило выговором. Что делать? Кизима позвонил в «Киевскую правду», орган обкома КПУ, и пообещал интервью журналисту Александру Болясному. Главный редактор ждал кипучего энтузиазма и клятв о выполнении плана в кратчайшие сроки, но беседа приняла совсем другой оборот. Болясный долго сидел в приемной Кизимы, а тот собственноручно писал ответы на вопросы интервью. Кизима заявил, что к установленному сроку энергоблок введен в строй не будет, поскольку необходимых ресурсов просто нет. Чудес не бывает и в социалистической экономике. Партийное начальство должно надавить на поставщиков и заставить их соблюдать обязательства. Шокированный главный редактор обзвонил партийную верхушку УССР, но там нехотя дали добро на публикацию. В конце концов, она могла послужить страховкой от критики из Москвы⁵⁸.

В начале 1986 года сооружение пятого энергоблока буксовало по тем же причинам. Рабочей силой управление располагало, а вот оборудование и материалы не подвозили. Ускорить темпы строительства Кизиме велели задолго до того, как за вышеупомянутое постановление проголосовали на XXVII съезде – зато проектную документацию на ЧАЭС получили только в июле 1985 года. По этой причине заказы поставщикам составили лишь к осени, а начало работ как таковых затянулось до зимы. К тому же не все поставки прибывали вовремя – рабочие снова и снова вынужденно простаивали.

Любовь Ковалевская из припятской «Трибуны энергетика» предложила Кизиме сверстать специальный выпуск, целиком посвященный проблемам с поставками, на что он с радостью согласился. Более того, пренебрегая инструкциями, Кизима позволил журналистке изучить собранные вычислительным центром АЭС данные о количестве и качестве уже поставленного в Припять. Ковалевская получила шанс на сенсационный материал, хотя далеко не все одобряли щедрость Кизимы. Руководство вычислительного центра, не забывая о бдительном КГБ, отвело ей на изучение таблиц всего лишь пятнадцать минут – в надежде на то, что у

⁵⁶ Филипчук Н. Указ. соч.

⁵⁷ Протокол совещания, созванного заместителем председателя Совмина СССР В.Э. Дымшицем 1 апреля 1980 г. // ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 32. Д. 2124. Л. 51–54; Записка А.А. Титаренко В.В. Щербицкому от 21 мая 1980 г. // Там же. Л. 46–47.

⁵⁸ Болясный А. Указ. соч.

корреспондентки, выпускницы филфака, просто закружится голова. В итоге она проработала в центре полчаса и успела записать много интересного.

Изучив свой конспект, журналистка поняла, насколько плохо идут дела на стройке. 70 процентов оборудования, присланного одним из заводов, имело серьезные дефекты. Изъяны обнаружили в металлических комплектующих, предназначенных для хранилища ядерного топлива, общим весом в 356 тонн. Другой завод прислал бетонные плиты не того размера – пришлось подгонять их прямо на участках. Сильнее всего поражало, как много деталей до сих пор не привезли, из-за чего другие, даже приемлемого качества, лежали без пользы. На стройке не хватало металлических конструкций общим весом в 2435 тонн. Кизима дал статье зеленый свет. Подписанная Л. Станиславской (псевдоним Ковалевской) она вышла в «Трибуне энергетика» 21 марта 1986 года, в пятницу. На следующий понедельник было назначено начало всесоюзного совещания по вопросам снабжения Чернобыльской АЭС⁵⁹.

По мнению Анатолия Дятлова, заместителя главного инженера станции, люди Кизимы работали на совесть. Кроме того, они стойко выдерживали шквал критики со стороны начальников, которые требовали от них совершить невозможное в смехотворно короткие сроки. Дятлов пишет, что Кизима и его монтажники «...все эти наезды всерьез не воспринимали, хотя виду не показывали... Иначе в тех условиях работы нельзя долго выдержать»⁶⁰.

Дятлов давно понял, что проблема не в организации строительства, а в отсутствии заводов и фабрик, без продукции которых атомные станции не могли существовать. Чернобыльскую АЭС и ее сестер вывели из подчинения Министерству среднего машиностроения. Огромная и богатая вотчина Ефима Славского – важнейшая часть военно-промышленного комплекса – была подлинным государством в государстве. Производственные мощности министерства пополняли ядерный арсенал Советского Союза и могли обеспечить почти всем необходимым электростанции, работающие на ядерных реакторах. Сооружение первого энергоблока такой станции в Сосновом Бору близ Ленинграда в декабре 1973 года стало заслугой именно команды Славского. После этого, однако, мирный атом доверили Министерству энергетики и электрификации, в военно-промышленный комплекс не входившему. Его руководители, не обладавшие и малой долей влияния и престижа легендарного Славского, располагали слабой производственной базой.

Мемуары Дятлова открывают печальную картину: «В правительственном постановлении было указано, что нестандартное оборудование для четырех блоков первых очередей этих станций будет изготовлено теми же заводами, что и для Ленинградской. Но для Минсредмаша правительственное постановление не указ даже и в то время, когда еще немного слушались правительства. Говорят, у вас есть свои заводы, вот и делайте, чертежи дадим». Ни один глава Совета министров не мог убедить Славского распылить ресурсы, предназначенные для выпуска ядерного оружия. Атомным электростанциям, вроде Чернобыльской, на его протекцию надеяться было нечего. Дятлов продолжает: «Был я на некоторых заводах вспомогательного оборудования Минэнерго – оснащение на уровне плохоньких мастерских. Поручать им изготовление оборудования для реакторного цеха – все равно, что плотника заставлять делать работу столера. Так и мучились с изготовлением на каждый блок»⁶¹.

Наверху отмахивались от жалоб на бесчисленные трудности при возведении энергоблоков. В конце концов, Чернобыльскую АЭС снабдили такими реакторами, какие в теории мог выпускать любой машиностроительный завод – даже на окраинах Советского Союза, с какой

⁵⁹ Станиславская Л. Не частное дело: дисциплина и качество поставок // Трибуна энергетика. 1986. 21 марта.

⁶⁰ В городском комитете компартии Украины // Трибуна энергетика. 1986. 31 января; Дятлов А. Чернобыль: Как это было. М., 2003. Гл. 4. С. 33.

⁶¹ Дятлов А. Указ. соч. С. 33.

угодно рабочей силой, при минимальных затратах. Большинство АЭС планировалось оборудовать водо-водяными энергетическими реакторами (ВВЭР). На Западе подобный агрегат называют Pressurized Water Reactor. Как и в Соединенных Штатах, ВВЭР стал побочным продуктом разработки атомных двигателей для военно-морского флота. В реакторах такого типа стержни с топливом помещены в воду, циркулирующую под давлением. Вода, одновременно охлаждая реактор, служит надежной страховкой от аварии. Перестань она циркулировать, нагрев и кипение реакцию остановят – чем больше воды испарится из ядра реактора, тем слабее будет нейтронное замедление быстрых нейтронов, производимое той же водой. Таким образом, реакция без воды продолжаться не сможет. На испытаниях, проведенных рядом советских атомных станций, ВВЭР показали себя хорошо. Но индустриальной базы для массового изготовления ВВЭР пришлось ждать до середины 1980-х.

Неудивительно, что в кулуарных интригах победу одержал РБМК – реактор большой мощности канальный. Его конструкция использует воду только для охлаждения, а для регулирования реакции – графит. РБМК не только вдвое превосходил мощностью первый вариант ВВЭР, но и обходился дешевле в постройке и эксплуатации. Если изначально для ВВЭР требовался обогащенный уран, то РБМК разработали сразу для урана почти природного – обогащенного изотопами урана-235 только на 2–3 процента. Еще одно важное преимущество: конструкция позволяет монтаж РБМК на месте из компонентов, произведенных на обычных машиностроительных заводах. Таким образом, отпадает нужда в предприятиях по выпуску высокоточного оборудования для атомной отрасли. С точки зрения партийного руководства, РБМК выглядел идеально. Если другие страны делали ставку на водо-водяные реакторы, в Советском Союзе первое место временно отвели РБМК. Достались они в итоге и Чернобыльской атомной станции.

Когда наверху решили отдать предпочтение канальному реактору, тот еще не прошел всех испытаний. Зато на чашу весов РБМК лег огромный авторитет Славского. Александров, директор Института атомной энергии, выступил научным руководителем при разработке обоих реакторов, поэтому знал их сильные и слабые стороны. Если Александров и говорил, что РБМК не опаснее самовара, на самом деле он тоже, как и остальные, предпочел более надежному реактору – более дешевый и мощный. Разработчики, упирая на безопасность РБМК, предложили удешевить его дополнительно – не заключать в герметичную оболочку из железобетона, которая поглощает излучение в случае аварии. Конструкция РБМК делала такую задачу просто невыполнимой. Таким образом, Чернобыльскую АЭС лишили одного из главных защитных механизмов.

У такого подхода нашлись и критики, но их вынудили замолчать или просто не услышали. Самым влиятельным из них оказался Доллежалъ – не кто иной, как главный конструктор РБМК. Он не отрекся от плода своих трудов, но предупредил, что в Европейской части СССР возводить атомные станции в будущем было бы опрометчиво: слишком уж велик риск. Доллежалъ предлагал строить мегакомплексы АЭС в малонаселенных районах страны. Свои опасения он собирался подробно изложить в научном журнале. Власти же дали добро на статью в «Коммунисте» – рупоре партийной идеологии. Конструктор не стал возражать. Само собой, в партийном издании нельзя было позволить себе той же откровенности, что в научном. Тем не менее число потенциальных читателей росло – а с ним и шансы на начало широкой дискуссии⁶².

Статью под названием «Ядерная электроэнергетика: достижения и проблемы» Николай Доллежалъ написал вместе с другим ученым – Юрием Корякиным. «Коммунист» опубликовал ее через несколько месяцев после аварии на атомной электростанции Три-Майл-Айленд. 28 марта 1979 года утечка охладителя привела к частичному расплавлению ядра одного из реакторов американской АЭС и выбросу радиоактивных газов. Принудительную эвакуацию

⁶² Комаров Б. Кто не боится атомных электростанций // Страна и мир (Мюнхен). 1986. № 6. С. 50–59.

не объявили, но 140 тысяч человек сами покинули свои дома. Соавторы указали на семи-, а то и восьмикратный рост затрат на постройку АЭС в Соединенных Штатах – именно ради обеспечения их безопасности, – тогда как Советский Союз американскому примеру не следовал. Их крайне тревожило качество оборудования на отечественных станциях, несоблюдение процедур при перевозке ядерных отходов и топлива. В СССР неумоимо возводили новые АЭС, и поэтому, как утверждали соавторы, вероятность аварий становилась с каждым годом только выше. Тревогу вызывали и изменения климата, вызванные работой ядерных реакторов. Каждая советская атомная станция выбрасывала в атмосферу очень много тепла. В электричество превращали всего лишь треть, если даже не четверть производимой энергии. Доллежалъ и Корякин предлагали размещать атомные станции не в Европейской части СССР, а в малонаселенных районах Крайнего Севера – неподалеку от залежей урана⁶³.

Статья Доллежала поставила атомную отрасль в чрезвычайно неловкое положение. Работы по сооружению ряда объектов шли полным ходом именно там, где авторы статьи их вести не советовали. На кону стояли не только капиталовложения в миллиарды рублей, но и репутация корифеев советской науки. А вот передача электроэнергии на большое расстояние была чревата ее потерями, поэтому несложно было оценить, чем обернется постройка АЭС на Крайнем Севере. Здравый смысл требовал удалять их от крупных городов не более чем на 500–600 километров – именно по такому принципу было выбрано место для Чернобыльской АЭС. Александров опубликовал «ответ» в журнале «Проблемы мира и социализма», предназначенном главным образом для читателей в Восточной Европе. Ввиду того что Москва строила ядерные реакторы и в странах «народной демократии», полезным показалось не только возразить Доллежалю с Корякиным, но и уверить зарубежных клиентов в неустанной заботе о качестве и этого, и любого другого оборудования, поставляемого Советским Союзом. Надо заметить, что у партнеров по соцлагерю монтировали не РБМК, а ВВЭР – водяные реакторы без использования графита⁶⁴.

В Украине призыв Доллежала задуматься о рисках при возведении атомных станций вообще (и особенно – АЭС, оснащенных канальными реакторами) привлек внимание министра энергетики и электрификации Алексея Макухина. Его ведомству вместе с общесоюзным министерством энергетики надлежало следить за работой Брюханова и его коллектива. Как и другие люди, слабо знакомые с мирным атомом, Макухин хотел убедиться в безопасности недавно запущенных реакторов и вынужденно полагался на мнение экспертов. Министр знал, от чего предостерегает Доллежалъ, задолго до выхода статьи в «Коммунисте». Он решил узнать мнение Медведева, заместителя главного инженера первого энергоблока Чернобыльской АЭС:

– На ваш взгляд, реактор выбран удачно или?..

Медведев ответил, что больше подошел бы водо-водяной реактор нововоронежского типа (имея в виду станцию в российском Черноземье).

– Вы читали статью академика Доллежала в «Коммунисте»?

– Доллежалъ прав...

В доказательство инженер рассказал министру, что РБМК зарекомендовали себя «с грязной стороны». Макухин не поверил:

– Какие у чернобыльского реактора проектные выбросы?

– До четырех тысяч кюри в сутки.

– А у нововоронежского?

– До ста кюри. Разница существенная.

---

⁶³ Доллежалъ Н., Корякин Ю. Ядерная электроэнергетика: достижения и проблемы // Коммунист. 1979. № 14. С. 19–28.

⁶⁴ Александров А. Научно-технический прогресс и атомная энергетика // Проблемы мира и социализма. 1979. № 6. С. 15–20.

– Но ведь академики... Применение этого реактора утверждено Совмином. Анатолий Петрович Александров хвалит этот реактор как наиболее безопасный и экономичный. Вы стугнули краски. Но ничего, освоим...⁶⁵

Без мощной промышленности и компетентных инженеров ведомства Славского воздвигать атомную станцию на берегах Припяти оказалось крайне тяжело. Начальник управления строительства и директор АЭС, как и партийные сановники над ними, предпочитали докладывать об успехах. В то же время КГБ, задачей которого было сохранить тайну секретных разработок и проследить за безопасностью объекта, то и дело указывал на изъяны конструкции и безалаберность строителей. Хитроумный Кизима порой обращал управление КГБ по Киеву и области в еще один рычаг манипулирования властью. Чекисты могли донести до вождей жалобы начальника управления строительства на поставщиков и лоббировать интересы строителей. Например, в августе 1976 года, когда приближался срок запуска первого энергоблока, киевское управление КГБ доложило своему начальству, что предприятия-смежники не дали ЧАЭС все необходимые детали и механизмы. К тому же среди продукции, оказавшейся в Припяти, выявили много брака. Республиканский КГБ передал эти сведения в Центральный комитет компартии Украины⁶⁶.

Органы надзирали не только за поставщиками, неспособными соблюдать сроки или производить качественный товар. От них не ускользала и халтура, сработанная подчиненными Кизиме строителями, и потворство Брюханова такой работе. В феврале 1979 года на Лубянку попал доклад украинских коллег о проблемах при сооружении второго энергоблока Чернобыльской АЭС. Теперь уже в Центральном комитете КПСС узнали о царившей в Припяти халатности – доложил об этом сам Андропов, председатель КГБ и будущий генсек. Одного из заместителей Кизимы назначили виновным в закладке фундамента энергоблока без необходимой гидроизоляции, в погрешности до десяти сантиметров при установке опор и до пятнадцати – при возведении стен⁶⁷.

Работникам Чернобыльской атомной станции повезло – неаккуратность строителей как таковая ни разу не привела к серьезной аварии, такой как, например, инцидент 9 сентября 1982 года, который произошел по другим причинам. В тот день завершился плановый ремонт первого энергоблока и операторы начали выводить его на полную мощность. Ничто не предвещало беды, пока реактор не разогнали до семисот мегаватт (свыше двух третей максимальной мощности). У всех реакторов типа РБМК на этой отметке нередко происходит какой-нибудь сбой. Один из топливных каналов лопнул, и диоксид урана высыпался из топливных сердечников. Прошло около получаса, прежде чем операторы заметили непорядок в активной зоне реактора и остановили его. Согласно отчету КГБ, в результате аварии бета-излучение на зараженных участках превысило норму в десять раз⁶⁸.

Комиссия по расследованию происшествия установила вину одного из ремонтников – он якобы закрыл клапан на трубопроводе, по которому в эту часть реактора шла вода. Поэтому топливный канал и лопнул. Брюханов уцелел на своем посту, уволили же второго человека на

⁶⁵ Медведев Г. Чернобыльская тетрадь: Документальная повесть. Киев, 1990. С. 41.

⁶⁶ Спеціальне повідомлення УКДБ при РМ УРСР по м. Києву та Київській області до КДБ при РМ УРСР про систематичні порушення технології провадження будівельно-монтажних робіт на окремих ділянках будівництва Чорнобильської АЕС. 17 серпня 1976 р. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2001. Т. 16. № 1. Спецвипуск: «Чорнобильська трагедія в документах і матеріалах». С. 27–30.

⁶⁷ Воронов В. В предчувствии Чернобыля // Совершенно секретно. 2015. 4 января.

⁶⁸ Дмитриев В. Авария 1982 г. на 1-м блоке ЧАЭС // Причины Чернобыльской аварии известны [accident.ru/Accid82.html]; Повідомлення УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до Другого головного управління КДБ СРСР та 2-го управління КДБ УРСР про аварійну зупинку 9 вересня 1982 р. енергоблока № 1 Чорнобильської АЕС, 10 вересня 1982 р. // 3 архівів. 2001. Т. 16. № 1. С. 45–46; Повідомлення УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до КДБ СРСР та КДБ УРСР про результати розслідування причин аварійної ситуації, що склалася на Чорнобильській АЕС 9 вересня 1982 р., 10 вересня 1982 р. // Там само. С. 47–48.

станции – главного инженера. Как бы то ни было, инциденты там случались реже, чем на других АЭС подобного типа, и в целом (по меркам советской атомной отрасли) Чернобыльская станция показывала неплохие результаты. Через год директора наградили орденом Октябрьской Революции⁶⁹.

Но неполадки и сбои не прекратились. В начале 1986 года, когда Брюханов ездил в Москву на XXVII съезд и слушал там призывы партийных вождей вдвое ускорить темпы возведения атомных станций, КГБ сообщал об очередных проблемах на предприятии. Строители нового энергоблока не соблюдали технические требования. Для изготовления бетона нужен щебень определенной величины, но в Припять его не поставили, и руководство решило пустить в дело тот камень, что оказался под рукой, – в два раза крупнее положенного. Из-за этого при заливке бетон был слишком вязким, и в конструкции возникали пустоты. Начальник управления КГБ докладывал: «Предположительная площадь перекрытия, непригодная к эксплуатации, равна 300 кв. метров. Выявленные нарушения технологии производства бетонных работ в процессе эксплуатации энергоблока могут привести к серьезным аварийным ситуациям, в том числе с человеческими жертвами». Никакой реакции на это предупреждение не последовало⁷⁰.

В конце марта 1986 года всесоюзное совещание представителей заводов, снабжавших пятый энергоблок Чернобыльской АЭС строительными материалами и специализированным оборудованием, заняло три дня и окончилось успехом – так утверждали в Припяти. Василий Кизима стал одним из главных докладчиков. В город прибыли посланцы двадцати восьми предприятий-поставщиков (всего их насчитывалось тридцать)⁷¹.

Виктор Брюханов предпочел остаться в тени – от ЧАЭС выступал Николай Фомин, главный инженер. Именно он и отвечал за взаимодействие с управлением строительства и запуск нового энергоблока. Месяцем раньше о Фомине узнали далеко за пределами Советского Союза – в англоязычном журнале *Soviet Life* вышла статья о Чернобыле. Текст оживила цитата главного инженера: станция настолько безопасна, что в пруду-охладителе разводят рыбу. Даже если произойдет авария, уверял Фомин, автоматика немедленно остановит реактор⁷².

Об аварии 1982 года не было ни слова. Проговориться о ней значило потерять самое меньшее работу. Летом 1985 года запрет на освещение подобных происшествий подтвердил своим приказом новый министр энергетики и электрификации Анатолий Майорец. Текст гласил: «Не подлежат открытому опубликованию в печати, в передачах по радио и телевидению сведения о неблагоприятных результатах экологического воздействия на окружающую среду энергетических объектов (воздействие электромагнитных полей, облучение, загрязнение атмосферы, водоемов и земли)»⁷³.

На совещании главный инженер АЭС, обычно бодрый и деятельный, в основном молчал. Виной тому была не цензура, а травмы – в конце 1985 года он попал в автокатастрофу. Уже тот факт, что Фомин снова вышел на работу, казался чудом. Коллеги видели, как трудно ему вникать в обсуждаемые вопросы, да и просто поддерживать разговор. Москву на совещании представлял Григорий Медведев (сотрудник уже не Чернобыльской атомной станции, а центрального аппарата Министерства энергетики и электрификации). Медведев с трудом узнал бывшего сослуживца, «внутренне всегда сжатого, как пружина, и готового для прыжка». И говорил тот уже не «приятным напористым баритоном». По словам гостя из Москвы, Фомин

⁶⁹ Руденко М. Нужна ли реабилитация бывшему директору ЧАЭС? // Взгляд. 2010. 29 апреля.

⁷⁰ Спеціальне повідомлення 6-го відділу УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до 3-го відділу 6-го управління КДБ УРСР про порушення технології провадження будівельних робіт при спорудженні 5-го енергоблока Чорнобильської АЕС, 26 лютого 1986 р. // З архівів. 2001. Т. 16. № 1. С. 64–65.

⁷¹ Всесоюзное совещание // Трибуна энергетика. 1986. 28 марта.

⁷² Marples D. Chernobyl and Nuclear Power in the USSR. Edmonton, 1986. P. 117.

⁷³ Медведев Г. Указ. соч. С. 15.

сильно сдал: «Во всем облике его была какая-то заторможенность, печать перенесенных страданий». Он посоветовал главному инженеру взять отпуск еще на несколько месяцев, чтобы восстановиться. Но Фомин твердил, что дело важнее.

Медведев поделился опасениями и с Брюхановым, но тот ответил: «Ничего страшного, в работе скорее дойдет до нормы». Директор поддерживал своего главного инженера морально – как умел. Секретарь парткома убедил Фомина выйти на работу досрочно, поскольку его начальник уезжал в Москву на съезд. Само собой, в отсутствие директора руководить атомной станцией следовало главному инженеру. Изнуренный вид самого Брюханова тоже бросался в глаза. Он признался Медведеву, что его волнуют течи в трубопроводах – станция теряла до пятидесяти кубометров радиоактивной воды в час. Выпарные установки пока справлялись с ее дезактивацией, но работали на пределе. Директор видел единственный выход из тупика: остановить реакторы и провести капитальный ремонт. Но это поставило бы под угрозу выполнение плана. Брюханов не хотел навлечь на себя гнев партийных начальников – ведь их заботили только графики и проценты. И уже не скрывал свои мысли о переводе куда-нибудь в другое место. Раньше командировка за границу, подальше от Чернобыльской станции, ее руководителя не прельщала, но теперь, вероятно, он стал об этом задумываться⁷⁴.

Тревожные сигналы звучали не только из Припяти, но и из Киева. На следующий день после завершения совещания поставщиков Любовь Ковалевская (сотрудница «Трибуны энергетика») достигла нешуточного успеха: ее статья о проблемах с возведением пятого энергоблока вышла в новой редакции в газете «Літературна Україна» – органе Союза писателей УССР. В значительной части статья повторяла текст из «Трибуны энергетика», но уже в переводе на украинский.

Однако аудитория центральной газеты была намного шире, и статья затрагивала более широкий круг проблем. Ковалевская, отдав неизбежные почести социалистическому строю и партии, которая семимильными шагами вела народ в светлое будущее, показала на ряде примеров невыносимое положение строителей-чернобыльцев. По ее словам, из 45,5 тысячи кубометров сборного железобетона, заказанного управлением строительства в 1985 году, 3200 кубометров так и не доставили, а еще шесть тысяч оказались некомплектными. 326 тонн щелевого покрытия для хранилища ядерных отходов и 220 тонн колонн для машинного зала нового энергоблока также забраковали. Корреспондентка отважилась на критику не только поставщиков, неспособных прислать в срок нужные комплектующие и оборудование, но и самого управления строительства, которому подчинялась «Трибуна энергетика». Текст гласил:

Неорганизованность ослабила не только дисциплину, но и ответственность всех и каждого за общий результат работы. Невозможность, а то и неумение инженерно-технических работников организовать работу бригад ослабили требовательность. Дала о себе знать «усталость», изношенность оборудования, машин и механизмов, нехватка средств малой механизации, инструментов и т. п. Словом, обострились и обнажились все недостатки строительного механизма, увы, – типичные. Это время совпало с моментом начала перестройки экономики, что, как известно, требует прежде всего перестройки сознания людей⁷⁵.

Ковалевская ждала ответа на статью, но ее встретили молчанием и в Киеве, и в Припяти. Горком партии давно раздражала манера Ковалевской совать нос куда не следует и выносить

⁷⁴ Там же. С. 31; Medvedev G. The Truth About Chernobyl. New York, 1991. P. 45–46; Карпан Н. Чернобыль: месть мирного атома. Киев, 2005. С. 444.

⁷⁵ Ковалевська Л. Не приватна справа: до всесоюзної наради з проблем постачання // Літературна Україна. 1986. 28 березня.

сор из избы. Ходил слух, что начальство подумывает отобрать у нее партбилет, что было почти равнозначно изгнанию из журналистики. Тем не менее никто пока не делал резких движений. Мировые же средства массовой информации обратят внимание на Ковалевскую и ее статью только через месяц – после 26 апреля 1986 года⁷⁶.

---

⁷⁶ Терней Е. Живая легенда мертвого города // Зеркало недели. 1995. 28 апреля.

Часть II

Геенна огненная

Глава 4

Поздний вечер пятницы

25 апреля 1986 года, в пятницу, жители Припяти радовались концу рабочей недели. На прошлых выходных отдохнуть особенно не удалось, ведь власти сделали 19 апреля субботником (ежегодный ритуал в честь дня рождения Ленина). Будь основатель большевистского государства и вправду «вечно живым», как его называла пропаганда, 22 апреля ему стукнуло бы 116 лет. Не юбилей, но тоже праздник.

Выход на ленинский субботник изображали как порыв трудящихся, обуреваемых высокими чувствами. На деле же трудящихся просто ставили перед фактом. Горбачев это мероприятие пропустил по уважительной причине – он находился с официальным визитом в ГДР, где рассказывал о преимуществах стратегии ускорения. На родине генсека не подвели. Политбюро объявило, что по всему Советскому Союзу на субботник вышли 159 миллионов человек – более половины советских граждан⁷⁷.

Всеведущая «Трибуна энергетика» – припятская газета – уверяла, что граждане с энтузиазмом приняли участие в коммунистическом субботнике. В статье, озаглавленной «Праздник труда», представитель местной власти докладывал, что перед соблазном добровольно потрудиться не устояло более 22 тысяч горожан. Работники атомной станции и других предприятий атомграда произвели товаров и услуг на сто с лишним тысяч рублей, тогда как строители – более чем на 220 тысяч. Главный трудовой подвиг, разумеется, совершили на пятом энергоблоке. Между тем из документов, предназначенных для партийной верхушки, следовало, что надежда на своевременное завершение строительства таяла с каждым днем. Зато газетчики отрапортовали, что на субботнике работали с удвоенной энергией – одна бригада строителей сумела залить тридцать кубометров бетона. Это был очевидный успех, поскольку бригаду увенчали лаврами в статье «С полной отдачей»⁷⁸.

На следующие выходные ничего подобного не планировали. Немало молодых пар собирались играть свадьбу как раз 26 апреля, в субботу. Воскресенья обычно посвящали записи новорожденных. Городские функционеры охотно оказывали помощь в организации бракосочетаний – это событие давно стало не только светским, но и заидеологизированным. Негласный ритуал требовал от новобрачных возложения цветов к памятникам Ленину и героям Великой Отечественной войны. Поскольку Горбачев начал антиалкогольную кампанию, партия и комсомол призывали к свадьбам без спиртного. В Припяти на такое гулянье смотрели кисло. Для начальства важнее всего было, чтобы свадьба не приводила к драке между работниками АЭС и «рексами».

Звали горожан на свадьбу или нет, в наступающие выходные их ждала хорошая погода. Весна выдалась на диво теплой. Многие предвкушали два-три дня на природе: пикники, походы, рыбалка на берегах Припяти и других рек. Чернобыльские леса не зря впервые были удостоены упоминания в летописи как охотничьи угодья Рюриковичей. Сезон охоты наступал

---

⁷⁷ XI Съезд Социалистической единой партии Германии: Выступление товарища Горбачева М.С. // Правда. 1986. 19 апреля; В Политбюро ЦК КПСС // Правда. 1986. 25 апреля.

⁷⁸ Эсаулов А. Праздник труда // Трибуна энергетика. 1986. 25 апреля; Петрусенко А. С полной отдачей // Там же; На уровень масштабных задач: На пленуме Припятского горкома компартии Украины // Трибуна энергетика. 1986. 18 апреля.

еще нескоро, зато лов рыбы уже начался. 25 апреля «Трибуна энергетика» дала на последней полосе снимок молодого жителя Припяти с огромным сомом в руках. Под ним значилось: «С таким уловом – только в красный уголок». Судя по снимку, рыбина тянула килограммов на двадцать.

В газете сообщались крайне интересные для читателей сведения о сезоне рыбалки. Вообще запрет на вылов длился до первых чисел июня, то есть до конца нереста. Но там, где рыба на нерест не шла, посидеть на берегу с удочкой не возбранялось. Заметка, которую украшало фото счастливца с сомом, перечисляла именно такие места на берегах Днепра, Припяти и Ужа. Члены обществ охотников и рыболовов имели право ежедневно ловить до трех килограмм «ценных пород» рыбы, вроде карпа и леща, и до десяти килограмм рыбы попроще: карася, уклейки и т. п. Те, кто в этих обществах не состоял, должны были ограничиться двумя и пятью килограммами соответственно. О рыбалке в пруду-охладителе Чернобыльской АЭС, который главный инженер станции Фомин не так давно назвал прекрасным местом для разведения рыбы, газета не упоминала. Официально это ни в коем случае не допускалось, хотя запрет отпугивал далеко не всех. Работники станции нередко промышляли в пруду с лодок – по ночам, когда рыбинспекторы спали⁷⁹.

Если «Трибуна энергетика» обращалась к образованным жителям атомграда, которых ждал приятный уик-энд на природе, то чернобыльская газета «Прапор перемоги» («Знамя победы») советовала колхозникам, как извлечь из выходных побольше пользы: собирать березовый сок и сажать картофель – одну из главных статей экспорта и едва ли не главное блюдо на крестьянском столе. Чернобыль, расположенный километрах в пятнадцати к юго-востоку от Припяти, оставался центром традиционно земледельческого района. Субботний выпуск предлагал материалы, посвященные обеим темам. Как выяснилось, в березовом лесу возле Дитятки – села южнее Чернобыля, именем которого позже назовут главный пункт пропуска в зону отчуждения, – местная бригада лесников заготовила девяносто тонн сока. Колхозы участвовали в социалистическом соревновании по посадке картофеля. На первое место вышел колхоз с подходящим названием – «Победа». Его правление было расположено в Стечанке – селе, чья история подходила к печальному концу. Совсем скоро его жителей принудительно выселят⁸⁰.

Безусловно, выше всего читатель «Знамени победы» ценил сведения о том, какой сорт картофеля выбрать при посадке. Сильные и слабые стороны различных сортов анализировали два эксперта: один из киевского НИИ, другой из чернобыльского центра картофелеводства. Занимал этот предмет и многих жителей Припяти. У некоторых были дачи с огородами, где сажали картошку и всякую зелень. Но большинство в этой группе составляли нанятые на стройку Кизимой юноши и девушки. На выходных молодежь возвращалась в родные села – помогать родителям в огороде. Полезные советы о том, какому сорту отдать предпочтение при посадке, были очень кстати: зимой немалую часть рациона этих свежее испеченных горожан составлял именно урожай родительских приусадебных участков⁸¹.

Вишенкой на торте выглядели предстоящие майские праздники. Первое мая, день международной солидарности трудящихся, был выходным. Четыре дня спустя наступала православная пасха – власти ее праздником не признавали, но народ отмечал довольно широко. За ней следовал День победы – не только официальные торжества, но и всплеск искреннего энтузиазма обычных граждан. В свете этого 25 апреля казалось едва ли не последним шансом закрыть хвосты на работе. Когда жителями атомграда овладевала тяга к рыбалке или картошке, сделать что бы то ни было до середины мая было почти невозможно.

⁷⁹ Недельский И. Нерест рыбы // Трибуна энергетика. 1986. 25 апреля.

⁸⁰ У лісників району // Прапор перемоги. 1986. 26 квітня; Хід садіння картоплі: зведення // Там само.

⁸¹ Верменко Ю., Кулиба В. Нови сорти картоплі для Київської області // Прапор перемоги. 1986. 26 квітня.

Как и все горожане, Виктор Брюханов с нетерпением ждал наступающих выходных. Он очень устал. Вернувшись из Москвы, директор работал с утра до вечера и домой приходил только переночевать. Теперь он мог насладиться теплой погодой и чистым воздухом. Когда-то, купаясь в реке ранней весной, они с женой Валентиной увидели двух лосей – незабываемая встреча. Кто знает, не попадутся ли им звери и на этот раз? Но сильнее всего Брюхановых радовал приезд из Киева дочери и зятя⁸².

Как обычно, пятница у директора выдалась напряженной – однако не настолько, чтобы испортить ему выходные. Проблема с трубопроводами сохранялась, но утечку радиоактивной воды удавалось держать под контролем. По состоянию на 25 апреля починка и замена труб не требовали остановки ни одного из реакторов, как это произошло недавно на Запорожской АЭС. 7 апреля на этой станции (два энергоблока были запущены недавно, третий строился) обнаружили 14-кратное превышение нормы радиоактивного заражения отработанной воды-охладителя. Для устранения проблемы пришлось заглушить реактор на две недели, остановив и стройку нового энергоблока. Поскольку второй действующий реактор как раз в это время был на ремонте, выработка электроэнергии на станции упала до нуля. Нет тока – нет и премий. Зато у партийных и государственных чиновников возникает много вопросов⁸³.

Чернобыльская АЭС план выполняла. Станция слыла одной из лучших в атомной отрасли. Аварии и отказы оборудования случались довольно редко (и с каждым годом все реже). Четвертый энергоблок должны были скоро отключить – для проверок и ремонта согласно эксплуатационному регламенту. Такая пауза могла длиться не один месяц, если того требовало состояние реактора. Впрочем, дату остановки утверждало Министерство энергетики и электрификации. Анатолий Майорец, новый министр, горел желанием войти в историю и заслужить похвалу партийных вождей, поэтому велел подчиненным сократить сроки простоя реакторов и реже производить предусмотренный нормами эксплуатации ремонт. Наверху ждали трудового подвига. В 1985 году Чернобыльская АЭС перевыполнила план почти на 10 процентов – в немалой степени за счет сокращения времени, отведенного на плановый ремонт. В 1986 году подобный трюк выглядел уже слишком рискованным, а значит, станция должна была выдать меньше электроэнергии, что очень огорчало горком партии⁸⁴.

Тем не менее закрывать глаза на требования регламента не могли ни партийные начальники, ни министр. Четвертый энергоблок должен был встать на ремонт в конце апреля. Инженеры из команды Брюханова готовились не просто заглушить реактор, но и, как принято в таких случаях, протестировать работу его систем на низкой мощности. Одно из испытаний, запланированных на четвертом энергоблоке перед остановкой, относилось к турбогенератору. Задачей было выяснить, как дополнительно обезопасить энергоблок при нажатии кнопки АЗ-5 (аварийной защиты пятого уровня), то есть при введении в ядро реактора всех поглощающих стержней одновременно. Этот механизм должен был прекратить реакцию в случае какой-либо аварии. К тесту подтолкнули соображения безопасности: при срабатывании аварийной защиты энергоблок обесточивался, хотя в электричестве все еще нуждался – для закачки воды в перегретое ядро реактора, чтобы избежать его расплавления. Проект предусматривал обеспечение непрерывной работы насосов за счет аварийных дизель-генераторов. Тем не менее запускались они только через 45 секунд после заглушения реактора. Даже столь краткий интервал в подаче воды таил потенциальную угрозу. Проблему надо было устранить.

Инженеры из научно-исследовательского института Донтехэнерго, расположенного в Горловке, предложили выход. Они указали на такой факт: не только реактор охлаждался не

⁸² Самоделова С. Личная катастрофа директора Чернобыля // Московский комсомолец. 2011. 21 апреля.

⁸³ Муха С. Информационное сообщение КГБ УССР в Центральный комитет Коммунистической партии Украины за 8 апреля // ОГА СБУ Ф. 16. Оп. 1. Д. 1113. Л. 9.

⁸⁴ На уровень масштабных задач; Карпан Н. Чернобыль: месть мирного атома. Киев, 2005. С. 423–424.

сразу после обесточивания, но и ротор турбогенератора не застывал на месте моментально. Какое-то время он вращался под воздействием остатков пара. Его можно было использовать для выработки электричества, чтобы закрыть промежуток в 45 секунд. Сколько мог длиться такой выбег ротора и сколько энергии он производил, горловские инженеры не знали – ответ на этот вопрос как раз и должны были найти на Чернобыльской АЭС при остановке четвертого энергоблока. Суть испытания сводилась именно к этому.

Хотя конечной целью испытаний было усовершенствование механизмов автоматической остановки реактора, сейчас эти механизмы следовало отключить, симулируя таким образом аварийное обесточивание энергоблока. Это грозило выходом реактора из-под контроля в ходе самого теста. Впрочем, такое развитие событий казалось маловероятным. Руководство атомной станции считало тест необходимым еще и потому, что он давал возможность ввести в действие дополнительную аварийную защиту, до сих пор ни разу не запущенную. Тем более к этому обязывали инструкции министерства. Одна попытка на ЧАЭС уже была предпринята, но она оказалась неудачной из-за дефекта турбогенератора. Теперь генератор работал исправно. Казалось, успеху ничто не должно помешать⁸⁵.

Подготовка к тесту началась в марте и в середине апреля шла уже полным ходом. С точки зрения проверки оборудования четвертого энергоблока наибольшие трудности мог представлять турбогенератор, но внимания требовал не только он. Составление графиков проведения всех испытаний поручили одному из самых бывалых инженеров Чернобыльской АЭС – Виталию Борцу. Ему не исполнилось и пятидесяти, но он уже показал себя в деле на электростанциях по всему Советскому Союзу. С Припятью он познакомился весной 1974 года, накопив двенадцатилетний опыт работы в атомной отрасли. Большую часть этого срока Борец провел в Томске-7, атомграде в Западной Сибири. В отличие от Томска как такового, Томск-7 на советских картах найти было невозможно. Город выстроили вокруг первой в СССР промышленной атомной электростанции – она дала ток еще в 1958 году. Впрочем, она служила для производства оружейного плутония, а электричество стало лишь ее побочным продуктом. В декабре 1963 года Борец был одним из тех, кто запустил на этой станции энергоблок АДЭ-4. Реактор, как и установленный на Чернобыльской станции РБМК, использовал графит для замедления нейтронов, которые сталкиваются с ядрами атомов обогащенного урана. На ЧАЭС Борец проработал более десяти лет, затем его перевели в организацию, ответственную за наладку реакторов, их запуск и остановку на ремонт⁸⁶.

Когда Борца попросили составить график проведения испытаний, он не предвидел особых трудностей. Электростанцию он знал как свои пять пальцев. Четвертый энергоблок подключили к сети последним, в завершение второй очереди строительства, и, как полагали многие в Припяти, заслуживал звания самого надежного на АЭС. Первые два энергоблока располагались в отдельных зданиях, а третий и четвертый – под одной крышей. Максимальная мощность обоих составляла тысячу мегаватт электроэнергии, причем тепловой энергии реактор вырабатывал втрое больше. Третий энергоблок запустили в декабре 1981 года, четвертый – двумя годами позже. Протокол комиссии, которая его осмотрела и приняла, Николай Фомин подписал 18 декабря 1983 года.

Протокол перечислял основные характеристики реактора. Ядро реактора – графитовый цилиндр семь метров высотой и диаметром около двенадцати метров, заключенный в стальной кожух и размещенный в бетонной шахте шириной около двадцати двух метров и высотой в двадцать шесть метров. Графитовые блоки, из которых составлена активная зона, замедляют нейтроны и предотвращают затухание цепной реакции – столкновения нейтронов с ядрами

⁸⁵ Давлетбаев Р. Последняя смена // Чернобыль. Десять лет спустя: Невизбежность или случайность? М., 1995. С. 367–368.

⁸⁶ Борец В. Как готовился взрыв Чернобыля // Копчинский Г., Штейнберг Н. Чернобыль: Как это было. Предупреждение. М., 2001. С. 188–195.

урана. Ядра же, расщепляясь, высвобождают новые нейтроны. Вверху и внизу кожуха реактора расположены две громадные металлические плиты, которые служат для биологической защиты. Верхняя плита (формально: «схема Е», неформально: «Елена») пронизана трактами технологических каналов – для топливных и нейтронопоглощающих стержней. Реактор четвертого энергоблока насчитывал 1661 топливный канал. В такой канал помещали сборку из 18 таблеток с диоксидом урана, в котором 2–3 процента составлял уран-235. Система управления защитой имела 211 стержней с поглотителем нейтронов – карбидом бора. Поглотитель, не позволяя части нейтронов врезаться в ядра урана, замедляет цепную реакцию. Если же реакцию надо подстегнуть, то регулирующие стержни из активной зоны реактора выводят. По контуру проходит охлаждающая вода, частично выкипая за счет выделяемого при реакции тепла. Пароводная смесь попадает в сепаратор, откуда вода возвращается в реактор, а пар выходит к турбине, которая генерирует электричество.

Как было принято в Советском Союзе, единственной защитой окружающей среды от потенциального выброса радиации служила бетонная оболочка, в которой находился реактор. В 1983 году комиссия нашла состояние реактора удовлетворительным – хоть и с оговорками. Имелись неисправности, которые следовало устранить. Среди прочего было рекомендовано улучшить конструкцию стержней с поглотителем. Как выяснилось, когда стержни вводят в ядро, они дают увеличение реактивности – разгоняют цепную реакцию, хотя должны ее замедлить. Причиной этому были прикрепленные к стержням снизу графитовые вытеснители. При усовершенствовании стержней комиссия советовала взять за образец третий энергоблок, где это уже было сделано. Эта проблема («концевой эффект») впервые дала о себе знать еще в 1975 году на Ленинградской атомной станции. Положительный коэффициент реактивности привел к потере управления реактором, скачку мощности, разрушению одного из каналов и утечке ядерного топлива. Подробности аварии, которая поставила реактор на грань взрыва, скрывали от сотрудников других атомных станций, но Борец хорошо представлял себе картину происшедшего – он тогда находился как раз на ЛАЭС⁸⁷.

30 ноября 1975 года, приехав из Чернобыля на стажировку вместе с группой коллег, Борец оказался свидетелем худшего на тот момент инцидента в истории РБМК. В тот день он решил провести на Ленинградской станции две смены подряд, чтобы понаблюдать за изменением режима эксплуатации реактора – «переходными процессами на малой мощности с малым запасом реактивности». Вскоре Борец увидел, что дело принимает скверный оборот: скорость разгона мощности реактора самопроизвольно возрастала. Оператор пытался замедлить ядерную реакцию стандартным способом, то есть вводом в активную зону стержней с поглотителем – ручного регулирования и автоматических. Однако РБМК Ленинградской станции повел себя неадекватно. Даже мастерство оператора («виртуоза», по мнению Борца) не сумело привести реактор в норму. Неконтролируемый рост реактивности в итоге привел к аварии.

Борец понял, что в активной зоне мог произойти взрыв. Богатый опыт управления ядерной реакцией в Томске-7 позволил ему верно предсказать наихудший сценарий. На следующий день, пытаясь вразумить одного из руководителей станции, Борец так описал свои ощущения: «Представьте себя за рулем автомобиля. Заводите мотор, трогаетесь, плавно разгоняетесь, переключаете передачи. Скорость 60 километров в час. Снимаете ногу с педали газа. И вдруг автомобиль начинает самостоятельно разгоняться: 80, 100, 130, 150 километров в час. Тормозите – никакого эффекта, разгоняется. Как вы будете себя чувствовать?»⁸⁸

Вышедший из-под контроля реактор Ленинградской АЭС все же был дважды остановлен системой аварийной защиты. Взрыва удалось избежать, но скачки мощности привели к

⁸⁷ Акт комиссии по физическому пуску о завершении физического пуска реактора РБМК-1000 IV энергоблока Чернобыльской АЭС // Причины Чернобыльской аварии известны [accident.ru/phys_start.html]; Дмитриев В. Концевой эффект // Там же [accident.ru/PS_effect.html].

⁸⁸ Борец В. Указ. соч.

расплавлению топливного канала и попаданию топлива в активную зону. Реактор заглушили, его активную зону на следующий день продули азотом, загрязнив таким образом атмосферу – инцидент привел в итоге к выбросу радионуклидов суммарной активностью полтора миллиона кюри. Активность в один кюри эквивалентна распаду 37 миллионов атомов в секунду. Такой активности хватит для заражения десяти миллионов литров молока. Согласно МАГАТЭ, территория считается безопасной при уровне загрязнения до пяти кюри на квадратный километр. Никому точно не известно, какой эффект выброс полтора миллионов кюри оказал на побережье Финского залива и на местных жителей – включая ленинградцев. ЛАЭС находится примерно в полусотне километров от северной столицы России⁸⁹.

Виталию Борцу так и не объяснили, что именно произошло на энергоблоке, а сам он не мог знать, каким был изъян в конструкции реактора, давший подобный эффект. Эти сведения держали в тайне. Конструкторы решили, что РБМК и дальше может работать в таком виде – достаточно будет усовершенствовать регулирующие стержни. Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники выпустил инструкцию, не указывая в ней, почему возникла нужда в такой переделке. Документ в итоге повлиял на текст предписаний комиссии, которая обследовала четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС. Однако комиссия не придавала проблеме со стержнями большого значения – уроки из аварии на Ленинградской станции не извлекли. РБМК можно было улучшать и улучшать, но от сотрудников атомной станции ждали производства энергии, а не доработки старых реакторов или разработки новых. Модификацию отложили на потом.

У офицеров КГБ, неусыпно следивших за атомной станцией, состояние двух энергоблоков второй очереди тревоги в общем не вызывало. Наверх докладывали о том, что третий и четвертый в среднем надежнее первого и второго. В итоге они пришли к выводу, что уровень безопасности в целом повышается, несмотря на ряд серьезных проблем. Если в 1982 году на трех энергоблоках произошло три аварии и 16 отказов в работе оборудования, то за первые девять месяцев 1984 года уже на четырех энергоблоках аварий не случалось, а отказов насчитали десять⁹⁰.

Казалось, ни у Борца, ни у других инженеров-атомщиков не было причин вспоминать инцидент на Ленинградской АЭС при подготовке к тестированию и остановке реактора четвертого энергоблока. Борец просто выполнил поставленную задачу: опросил различных специалистов о планируемых испытаниях, составил график и передал его лаборатории научно-исследовательского отдела, ответственной за остановку. Борец предложил начать остановку реактора 24 апреля в десять вечера. Таким образом, к часу дня 25 апреля персонал мог бы выполнить программу испытаний и затем заглушить реактор.

Из лаборатории ответили, что закончить надо к десяти утра, иначе мощность реактора упадет ниже допустимого уровня. Все согласились. Николай Фомин, главный инженер, утвердил график испытаний. Позднее он говорил, что вначале остановку реактора запланировали на 23 апреля, но потом решили перенести ее на выходные. Документ так и не дали завизировать представителям союзного Министерства энергетики и электрификации и завода, выпустившего реактор. Это предписывала инструкция, но ее мало кто соблюдал. Предполагалось, что к последним выходным апреля реактор четвертого энергоблока будет благополучно остановлен⁹¹.

⁸⁹ Медведев Г. Ядерный загар. М., 2002. С. 206; *Sternglass E.* Secret Fallout: Low Level Radiation from Hiroshima to Three Mile Island. New York, 1981. P 120.

⁹⁰ Спеціальне повідомлення 6-го відділу УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до 3-го відділу 6-го управління КДБ УРСР про основні інженерно-технічні недоліки діючих енергоблоків Чорнобильської АЕС, жовтень 1984 р. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2001. Т. 16. № 1. С. 58–60.

⁹¹ Борец В. Указ. соч.

Подготовка к остановке реактора началась не 24-го, как предложил Борец, а 25 апреля, еще затемно – когда на четвертом энергоблоке приступила к работе новая смена операторов. Около пяти утра тепловую мощность реактора снизили наполовину и зафиксировали на уровне 1600 мегаватт⁹².

В восемь утра, по окончании ночной смены, остановку реактора продолжила дневная – под началом Игоря Казачкова. В свои тридцать с небольшим лет Казачков был одним из самых опытных руководителей среднего звена на Чернобыльской АЭС. В 1974 году, окончив Одесский политехнический институт, сразу же уехал в Припять и дорос на станции до начальника смены. В декабре 1985 года областная газета даже посвятила ему заметку с фотографией: герой дня стоит у экрана одной из ЭВМ станции в белом халате, белом колпаке, в очках и с бородкой и выглядит весьма умудренным для своих лет. В заметке его хвалили за «четкую организацию и трудовую дисциплину»⁹³.

Смена Казачкова приняла ответственность за реактор, в активную зону которого были введены почти все регулирующие стержни – для торможения ядерной реакции. Около пятнадцати стержней еще пребывали в верхнем положении – таким образом, у Казачкова оставалось пространство для маневра, хотя в такой ситуации инструкции завода-изготовителя предписывали заглушить реактор. Однако и ночная смена, и дневная инструкцией пренебрегли – следуя графику, утвержденному вышестоящим начальством. Они не успели еще провести тест выбега ротора турбогенератора, как и многие другие испытания и замеры. Что еще важнее, сотрудники энергоблока имели право заглушить реактор и отключить его от энергосистемы только при серьезной аварии. В противном случае директору станции требовалось разрешение диспетчера из Киева.

Позднее Казачков так объяснял свои действия: «Почему ни я, ни мои коллеги не заглушили реактор, когда уменьшилось количество защитных стержней? Да потому, что никто из нас не представлял, что это чревато ядерной аварией. Мы знали, что делать этого нельзя, но не думали... А если я аппарат заглушу – мне холку здорово намылят. Ведь мы план гоним...»

На вопрос о том, что случилось бы, заглуши он реактор согласно инструкции, Казачков ответил: «Я думаю, с работы выгнали бы. Определенно бы выгнали. Не за это, конечно. Но придрались бы к чему-нибудь. Именно этот параметр – количество стержней – у нас не считался серьезным»⁹⁴.

Итак, не забывая себе голову тем, как мало регулирующих стержней осталось вне ядра реактора, Казачков выполнял график испытаний. Для проведения теста выбега ротора турбогенератора он отключил систему аварийного охлаждения. Процесс остановки реактора должен был длиться всего несколько часов, и вероятность того, что прочие системы охлаждения откажут, представлялась Казачкову такой же, как вероятность падения самолета кому-нибудь прямо на голову. Отключение аварийной системы было делом непростым и отнимало много времени – операторам приходилось вручную перекрывать задвижки на громадных трубах. Над каждой задвижкой трудилась группа из двух-трех человек, и даже так на нее уходило сорок пять минут. К двум часам дня эту задачу выполнили. Внезапно последовал звонок от директора – приказ удерживать тепловую мощность реактора на том же уровне в 1600 мегаватт. Испытание, для которого требовалась мощность в 700 мегаватт, и заглушение реактора откладывались.

Руководство АЭС заставило подчиненных отступить от графика после звонка из Киева – от диспетчера управления Южными энергосистемами, ответственного за распределение произведенного на станции электричества. Это был единственный клиент Чернобыльской атом-

⁹² Карпан Н. Указ. соч. С. 326, 440.

⁹³ Правофланговий п'ятирічки // Київська правда. 1985. 29 грудня.

⁹⁴ И. Казачков // Щербак Ю. Чернобыль: документальное повествование. М., 1991. С. 366.

ной станции. Игнорировать распоряжения диспетчера можно было бы разве что в случае аварии. Как выяснилось, на Южно-Украинской атомной станции (в Николаевской области) один из энергоблоков неожиданно отключился. Диспетчер требовал от Чернобыльской удерживать текущий уровень выработки тока до вечера, когда потребление упадет, и только затем остановить реактор. Сотрудников четвертого энергоблока не порадовал такой приказ, отданный за пятнадцать минут до начала следующего этапа остановки, при отключенной системе аварийного охлаждения. Но им ничего не оставалось, как выполнять. Электричества, производимого лишь одним энергоблоком ЧАЭС, хватало для снабжения всего Киева, поэтому отключить энергоблок от системы по своей воле было нельзя. Сотрудники станции уже не раз жаловались на подобные коллизии, но это ничего не дало⁹⁵.

В феврале 1986 года недовольство коллектива Чернобыльской атомной станции действиями руководителей энергосистемы отразилось в докладе, отправленном в республиканское КГБ, а затем и в Москву. Только в 1985 году по команде диспетчеров чернобыльцам 26 раз пришлось изменять мощность реактора. За первые три недели января следующего года имели место еще девять подобных случаев. Само собой, это мешало выполнению плана. Специалисты утверждали, что РБМК сконструирован для работы в стабильном режиме, а регулярное понижение мощности в конечном итоге приведет к аварии. По той же причине возрастало и загрязнение окружающей среды. Ответ из Москвы показывал, что КГБ не может повлиять на устоявшуюся практику, – союзные ведомства просто принимали подобные сигналы к сведению⁹⁶.

В четыре часа дня на энергоблок заступила вечерняя смена. Ее начальника Юрия Трегуба с графиком проведения испытаний не ознакомили, ведь к этому времени реактор должны были уже заглушить. Трегуб возмутила команда диспетчера – она выглядела просто произволом. Через несколько месяцев, рассказывая о том фатальном дне, Трегуб недоумевал: «Вообще-то я удивляюсь такой постановке вопроса, когда атомной станцией командует диспетчер. Ведь у нас даже при авариях, разрывах разных, мог диспетчер не дать разрешения на остановку. Но ведь это же не тепловая станция, не котел простой, который лопнет в помещении... Всегда очень трудно с диспетчерами... там куча пререканий»⁹⁷.

Начальник смены и его инженеры сделали все, чтобы разобраться в ситуации. Им достался энергоблок не только с реактором, чью тепловую мощность уменьшили до 1600 мегаватт, но и с выведенной из строя системой аварийного охлаждения. «Как вывели?» – спросил Трегуб Казачкова. Тот ответил: «На основании программы [испытаний], хотя я возражал». И добавил, что диспетчер энергосистемы должен дать отмашку где-то в шесть вечера. Таким образом, тест выбега ротора турбогенератора, ради которого и отключили систему аварийного охлаждения, откладывали допоздна. Понимая, насколько трудоемким будет включение аварийных насосов и повторное отключение, Трегуб решил ничего не трогать. Оставалось ждать разрешения из Киева. Он обсудил положение с начальником смены станции – оба пришли к выводу, что отступать от утвержденного графика тестов нельзя. Трегуб внимательно изучил его, то и дело натываясь на невразумительные пункты. При этом советоваться было не с кем, да и у самого начальника смены дел хватало. Он провел несколько предусмотренных программой тестов, для которых полная остановка реактора не требовалась. Перед глазами у него был блочный щит управления, на котором светились четыре тысячи датчиков.

После шести часов вечера никаких сигналов от диспетчера не поступило. Около восьми Трегуб снова позвонил начальнику смены станции – ничего. Начальник советовал обязательно вызвать на испытания Анатолия Дятлова, заместителя главного инженера. Дятлов руководил

⁹⁵ Там же. С. 34–35.

⁹⁶ Спеціальне повідомлення 6-го відділу УКДБ УРСР по м. Києву та Київській області до 3-го відділу 6-го управління КДБ УРСР про можливі негативні наслідки знижень потужності енергоблоків Чорнобильської АЕС, 4 лютого 1986 р. // З архівів. С. 62–63.

⁹⁷ Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 38.

эксплуатацией реакторов, именно на нем лежала ответственность за их остановку. Трегуб позвонил Дятлову – оказалось, тот ушел с работы около четырех. Застав Дятлова дома, обеспокоенный начальник смены сказал: «У меня есть вопросы, много вопросов». Дятлов отрезал: «Это не телефонный разговор. Без меня не начинать». Затем на энергоблок неожиданно позвонил главный инженер станции. Фомин подтвердил, что следует дожидаться Дятлова. Около девяти часов киевский диспетчер наконец-то дал добро на отключение реактора четвертого энергоблока. Соответственно, испытание выбега ротора назначили на десять. Когда Трегуб об этом узнал, он позвонил Дятлову. Изабелла, его жена, ответила, что Анатолий уже вышел на работу⁹⁸.

К финальному этапу остановки реактора все было готово. Испытания должны были продолжаться недолго – никак не больше двух часов, – и Трегуб рассчитывал уложиться в свою смену, до наступления полуночи. Надо было торопиться... Но где же Дятлов?

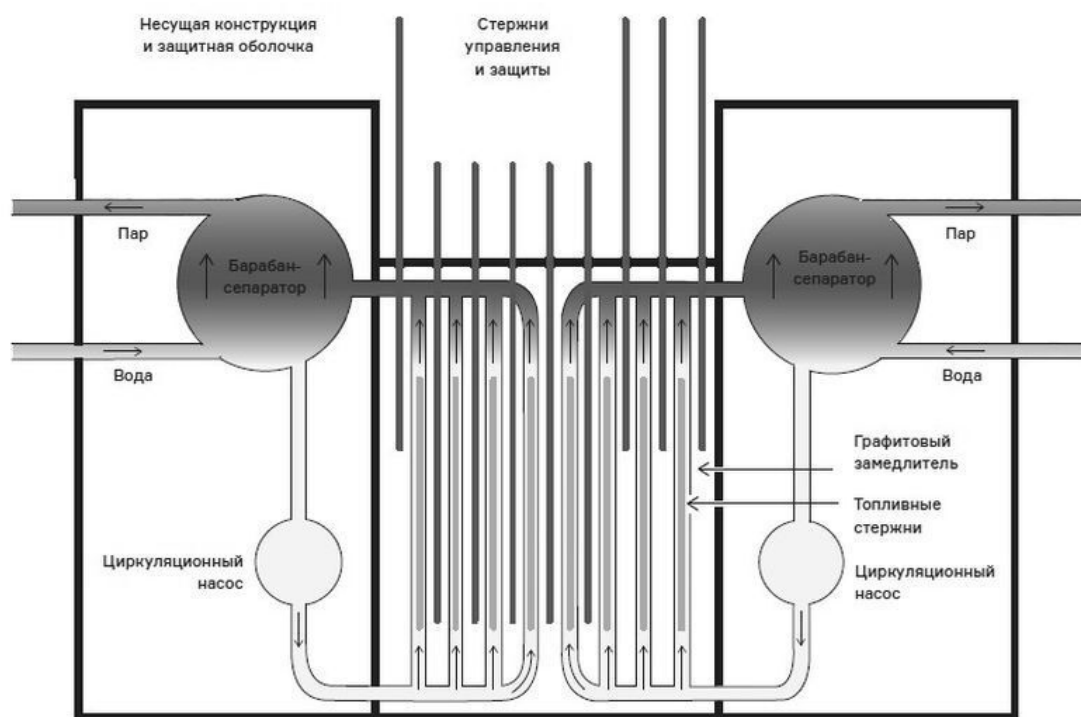

Схема РБМК (реактора большой мощности канального)

⁹⁸ Там же. С. 36–38; Карпан Н. Указ. соч. С. 444.

Глава 5

Взрыв

Анатолий Дятлов, пятидесятипятилетний заместитель главного инженера Чернобыльской АЭС, на работу добирался как обычно – пешком. Высокий, седой, крепко сложенный, он стремился сохранить хорошую форму. «На работу и с работы всегда ходил пешком, четыре километра в один конец. Это давало в месяц двести километров, – рассчитал Дятлов. – Прибавить километров сто регулярных пробежек трусцой – вполне достаточно для поддержания в норме организма. А главное, может быть, в ходьбе – это сохранение нервной системы. Идешь, отключился от всяких неприятных мыслей. Полезло что-то в голову – добавь скорость»⁹⁹.

Вечером 25 апреля он шагал привычным маршрутом так же, как и в любой другой день. Мрачные предчувствия его не мучили – по крайней мере, позднее он ни о чем таком не припоминал. Казалось, все в порядке и под контролем. График остановки реактора несколько изменили, но это случалось и раньше – заурядная ситуация. Дятлов, как и все в Припяти, радовался наступлению выходных и возможности побыть с родными, особенно с внучкой. В будни семья его почти не видела. Ценитель русской поэзии, способный прочесть по памяти многие стихи Блока и Есенина, он непременно нашел бы время посидеть где-нибудь в тишине с книгой в руках. Но сперва дело. Ответственность за остановку реактора четвертого энергоблока лежала не столько на директоре или главном инженере, сколько на заместителе последнего.

Дятлов жил в Припяти уже давно и слыл одним из лучших атомщиков на станции. Сибиряк, он окончил техникум в Норильске, затем – Московский инженерно-физический институт, ведущую советскую школу в области практического применения ядерной физики и других наук. В Украину переехал в сентябре 1973 года. Этому предшествовали четырнадцать лет работы на судоверфи в Комсомольске-на-Амуре, где Дятлов отвечал за ядерные реакторы для подводных лодок. Он и его семья устали от регулярных выходов в море – инженер тестировал двигатели, смонтированные на субмаринах его коллегами. У Дятлова не было опыта работы на мощных реакторах вроде РБМК, установленных на Чернобыльской АЭС. Тем не менее он довольно скоро приобрел необходимые навыки и знания. Позднее заместитель главного инженера переманит с Дальнего Востока в Припять немало бывших коллег.

Карьеру на ЧАЭС Дятлов начал на посту заместителя начальника реакторного цеха. За хорошую работу его не только повышали в должности, но и дважды награждали. Когда Николай Фомин попал в автомобильную аварию и получил травму, у Дятлова, вероятно, появились шансы занять место шефа. Это казалось абсолютно логичным. И Виктор Брюханов, директор, и Фомин пришли на Чернобыльскую станцию с обычных теплоэлектростанций, работавших на угле. Ни один из них не был инженером-атомщиком, в отличие от Дятлова. На станции он был самым авторитетным экспертом по ядерным реакторам и отвечал за их обслуживание, в том числе – за запуск и остановку.

Для реакторов, как для самолетов, опаснее всего взлет и посадка. Дятлов должен был лично руководить тестом выбега ротора турбогенератора на четвертом энергоблоке (Фомин утвердил тест 24 апреля) и полной остановкой реактора. Подготовка к испытаниям началась в марте, но только в середине апреля Фомин созвал совещание инженеров станции и представителей научно-исследовательских институтов и смежников. Там и согласовали программу всех испытаний – Виталий Борец выполнил эту задачу именно по указанию Дятлова. Дятлов же первым завизировал составленный Борцом документ¹⁰⁰.

---

⁹⁹ Дятлов А. Чернобыль. Как это было. М., 2003. Гл. 4. С. 29.

¹⁰⁰ Борец В. Как готовился взрыв Чернобыля // Копчинский Г., Штейнберг Н. Чернобыль: Как это было. Предупреждение. М., 2001. С. 188-195; Карпан Н. Чернобыль: Месть мирного атома. Киев, 2005. С. 440.

Работники Чернобыльской станции знали и тяжелый, резкий характер Дятлова. Один из его знакомых вспоминает: «Дятлов был сложным в общении человеком, прямой, имел собственную точку зрения и никогда не менял ее по желанию начальника, убеждал, не соглашался, в конце концов подчинялся, но оставался при своем мнении. Точно так же он мало считался с мнением подчиненных. Как понимаете, такого человека не все любят». Другой сослуживец оценивает дятловский стиль руководства выше: «Тех же, кто стремился слухавить, уползти от выполнения задания, спрятаться за надуманными причинами, а тем более – скрыть допущенное нарушение инструкций, Дятлов вычислял мгновенно. И тогда уж получай по заслугам. Многие возмущались, обижались, понимая в душе справедливость оценки»¹⁰¹.

Руководство высоко ценило в Дятлове как требовательность, так и умение выполнить поставленную задачу. На этом фоне можно было закрыть глаза на неуступчивость и жалобы подчиненных. Люди, неплохо знавшие Дятлова, хвалили его за чувство юмора и прекрасную память. В его голове хранилась целая библиотека не только поэзии, но и технической документации. Это не раз сослужило инженеру-атомщику хорошую службу.

В ночь на 26 апреля Дятлов никуда особенно не торопился. Около девяти вечера Юрий Трегуб позвонил ему домой. Изабелла Дятлова сказала, что муж уже ушел на работу. Корпус третьего и четвертого энергоблоков стоял приблизительно в четырех километрах от их дома, Дятлов ходил быстро, поэтому начальник смены ждал его прихода минут через сорок. Но вот уже одиннадцатый час, запрет Киева на проведение теста и остановку реактора снят, а заместителя главного инженера все нет. Только в одиннадцать (или немного раньше) Трегубу позволили коллеги с третьего энергоблока – Дятлов у них. «Он по дороге зашел на третий блок и, видимо, нашел какой-то недостаток в смысле дисциплины; прорабатывал их», – припоминает Трегуб. Другой атомщик дополняет: «За ошибки персонала и непослушание наказывал строго, применяя метод окриков и нагнетания нервозности»¹⁰².

Дятлов никуда не спешил – действовал по плану. Когда процесс остановки реактора задержали по требованию киевского диспетчера, он попросил Геннадия Метленко (старшего группы консультантов из Донтехэнерго, прибывших для теста выбега ротора турбогенератора) связаться в 22:30 с начальником смены и узнать, все ли готово к проведению испытания. Еще полчаса горловские инженеры потратили бы, чтобы дойти до энергоблока, – поэтому и Дятлову не стоило туда мчаться. Заместитель главного инженера явился в зал управления четвертого энергоблока чуть позже одиннадцати, вслед за ним – и группа Метленко. Наконец можно было начинать. У Трегуба накопились вопросы о процедуре остановки, но Дятлов обсуждать ее не захотел. Трегуб догадался, что шеф (вполне разумно) решил перенести испытания на следующую смену. В десять минут двенадцатого начальник смены приступил к снижению мощности реактора. К полуночи ее уменьшили вдвое – до 760 мегаватт, как и предписывала программа испытаний¹⁰³.

Эстафету управления четвертым энергоблоком приняла новая смена. Руководил ей Александр Акимов, инженер с многолетним опытом работы на Чернобыльской станции. К тридцати трем годам Акимов обзавелся хорошей репутацией. Коллеги считали его дружелюбным, начальники – исполнительным, и те и другие – компетентным. Он уже входил в горком партии и делал неплохую карьеру. Начальником смены его назначили в июле 1984 года. Относительным новичком выглядел двадцатипятилетний Леонид Топтунов. Подобно Акимову, он был близорук, носил очки и усы. Топтунова не так давно назначили старшим инженером управ-

¹⁰¹ В. Орлов, А. Крят, В. Грищенко // Воспоминания об Анатолии Дятлове [pripyat-city.ru/publications/34-vospominaniya-ob-asdyatlove.html].

¹⁰² Ю. Трегуб // Щербак Ю. Чернобыль: документальное повествование. М., 1991. С. 38; Р. Давлетбаев // Медведев Г. Ядерный загар. М., 2002. С. 242.

¹⁰³ Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 38; Карпан Н. Указ. соч. С. 330, 354.

ления реактором. Эта работа была настолько сложной, что если инженер управления реактором уходил в отпуск, по возвращении к нему на время приставляли дублера. Иначе было не справиться с десятками кнопок и рычажков – все равно что пианисту играть без репетиции (так шутил Трегуб, поднаторевший в этой работе). У напарников Акимов и Топтунова, старших инженеров управления блоком и турбиной, опыта хватало¹⁰⁴.

Акимов и его люди работали в предыдущую ночную смену. Именно они начали процедуру остановки реактора рано утром 25 апреля, поэтому рассчитывали на то, что к ночи на 26 апреля реактор уже будет заглушен более опытными сотрудниками и смена выдастся тихой. На деле же полную остановку реактора взвалили как раз на коллектив Акимова. Прибыв за полчаса до полуночи, он пытался понять, что ему делать. Заглушить реактор было делом непростым, передача контроля над блоком происходила в спешке. В зале управления скопилось толпа народу: прежняя смена, новая смена, управленцы и инженеры из других отделов. Кто-то был задействован в испытаниях выбега ротора турбогенератора, кто-то просто хотел проследить за поведением «своего» оборудования во время остановки. Всего набралось около двадцати человек.

Трегуб потратил немалую часть своего дежурства на то, чтобы вникнуть в программу остановки реактора и проведения тестов. Акимову пришлось разбираться на ходу. Начальник новой смены стал расспрашивать Трегуба, которому было чем поделиться. Трегуб охотно объяснял, но не знал ответов на все вопросы – например, что делать с производимым реактором электричеством после прекращения подачи пара на турбогенератор. Дятлов не стал обсуждать это с Трегубом, поэтому начальник прежней смены просто изложил свое мнение. Трегуб остался в зале в роли простого наблюдателя – ему было интересно, как пройдут испытания. Залом управления формально командовал Акимов, однако на него давил авторитет заместителя главного инженера. Дятлов, старший на энергоблоке, с подчиненными не церемонился¹⁰⁵.

Разим Давлетбаев, заместитель начальника турбинного цеха, в ту ночь тоже находился в зале управления. По его словам, произошло следующее:

Сразу после приема смены Дятлов начал требовать продолжения выполнения программы. Когда Акимов присел на стул, чтобы эту программу изучить, – начал упрекать его в медлительности и в том, что он не обращает внимания на сложность ситуации, создавшейся на блоке. Дятлов окриком поднял Акимова с места и начал его торопить. Акимов, держа в руках ворох листов (видимо, это была программа), начал обходить операторов БЩУ и выяснять соответствие состояния оборудования выполняемой программе¹⁰⁶.

Приступили к остановке реактора. Мощность (к тому времени – 760 мегаватт) стали снижать до двухсот. Топтунов делал это согласно программе, постепенно вводя в ядро, или активную зону реактора, регулирующие стержни. Чем глубже они туда входили, тем больше нейтронов останавливал поглотитель, замедляя таким образом реакцию. Все шло по плану, но вдруг прозвучал сигнал тревоги: расход воды упал до недопустимо низкого уровня. Юрий Трегуб поспешил на помощь Топтунову. Молодой инженер, видимо, растерялся и не вспомнил, что надо послать слесаря на проверку, а операторов – открыть клапан и увеличить подачу воды. За него это сделал Трегуб. Он вспоминает: «И вот когда я щелкал на пульте, чтобы узнать расход воды, я услышал возглас Акимова: „Лови мощность!“ или „Держи мощность!“ Я рядом с Топтуновым стою. И вижу: мощность медленно падает».

¹⁰⁴ Л. Акимов // Medvedev G. The Truth About Chernobyl. New York, 1991. P. 148-149; Топтунов Леонид Федорович 16.08.1960-14.05.1986 // Офіційний сайт Славутиської загальноосвітньої школи № 1; Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 39.

¹⁰⁵ Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 38–39.

¹⁰⁶ Давлетбаев Р. Последняя смена // Чернобыль. Десять лет спустя: Неизбежность или случайность? М., 1995. С. 381–382.

Как выяснилось, при переключении с одного автоматического регулятора стержней на другой из-за разбалансировки на какое-то время вышли из строя все. Мощность (до инцидента – 520 мегаватт) упала настолько, что это грозило заглушением реактора задолго до окончания испытаний. Чуть позже, в 28 минут первого, компьютер зафиксировал ее на уровне всего лишь в тридцать мегаватт. Кое-кто из свидетелей говорил, что она едва не достигла нуля. Топтунов с помощью Акимова отключил автоматический регулятор стержней и стал выводить их из активной зоны вручную, чтобы вернуть ядерную реакцию к жизни. Помогал и Трегуб. «Что же ты неравномерно тянешь? Вот здесь надо тянуть», – говорил он Топтунову, который извлекал их из квадрантов реактора. Вдвоем они подняли мощность до уровня, на котором реактор мог работать стабильно. Уже в 42 минуты первого ее показатель с тридцати мегаватт вырос до ста шестидесяти. Раздался общий вздох облегчения. Трегуб признает: «Этот момент с удержанием мощности был несколько нервным, но в целом, как только вышли на мощность двести мегаватт и стали на автомат, все успокоились»¹⁰⁷.

Перед инженерами встал очередной вопрос: остановить ли реактор от греха подальше или поднять мощность до уровня, позволявшего проведение испытаний? Первый вариант означал, что проверку выбега ротора турбогенератора, который готовили так долго, вновь отложат. Это никого не устраивало. Дятлов во время провала мощности в зале управления отсутствовал. Теперь, вернувшись в зал, он разрешил поднимать ее и далее. Кое-кто запомнил, как он вытирал пот со лба. Заместитель главного инженера говорил с Акимовым, который, видимо, пытался его в чем-то убедить, размахивая бумагами. Дятлов утверждает, что именно Акимов предложил ему не поднимать мощность до предусмотренных программой семисот мегаватт, а ограничиться двумястами. (Подобное отступление от программы могло грозить аварией, но атомщики, вероятно, полагали, что удержат реактор под контролем и смогут провести тест.) Так ли это на самом деле, не приказал ли начальнику смены удерживать столь низкую мощность сам Дятлов, мы не знаем. В любом случае, он позднее не отрицал, что испытание при двухстах мегаваттах проходило с его ведома. Он был старшим, прочим работникам оставалось только выполнять его приказы¹⁰⁸.

Дятлов был твердо намерен провести злополучные испытания. Подчиненные запомнили, как он их подгонял. Без четверти час он велел операторам заблокировать сигнал остановки двух турбин, который давала аварийная защита. Эти турбогенераторы и следовало испытать. Немного позже, в три минуты второго, для увеличения подачи воды в реактор включили один из резервных насосов, а за ним и второй. Все согласно программе испытаний, но без учета одного факта: при столь низкой мощности излишек воды дополнительно дестабилизирует активную зону. Поскольку воды стало больше, а пара меньше, мощность реактора снизилась – ведь вода, в отличие от пара, поглощает нейтроны и замедляет ядерную реакцию. В 1 час 19 минут прозвучал другой сигнал тревоги: низкое давление пара. Операторы отключили сигнал, а за ним и резервные насосы.

Чем ближе подходило время начала теста, тем труднее оказывалось управлять реактором на низкой мощности – она не держалась на уровне в двести мегаватт и продолжала падать. Резкое снижение мощности в половине первого ночи и продолжительная работа реактора при самом большем двухстах мегаваттах привели к накоплению в активной зоне ксенона-135. Это продукт распада урана-235, который, поглощая нейтроны, замедляет реакцию – как говорят атомщики, «отравляет» реактор. Чтобы не допустить дальнейшего падения мощности, Топтунов извлекал из ядра всё новые регулирующие стержни. На многочисленные сигналы, предупреждавшие о нестабильном состоянии реактора, просто закрывали глаза. Довольно скоро из почти двухсот регулирующих стержней в ядре осталось девять, если не еще меньше. Почти

¹⁰⁷ Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 40–41; Карпан Н. Указ. соч. С. 326–335, 350.

¹⁰⁸ Дятлов А. Указ. соч. С. 38–39; Карпан Н. Указ. соч. С. 477, 478, 479.

полное их отсутствие дополнительно затрудняло управление реактором, делало его поведение еще менее предсказуемым.

Однако в 1 час 22 минуты компьютер указал на повышение скорости реакции – этого не предвидели. Вода в контуре, которую подавали только четыре насоса, закипела. Пар, как известно, не имеет той же способности поглощать нейтроны. Чем больше пар замещал воду, тем больше в ядре оставалось нейтронов – это и дало всплеск реактивности. Топтунов, взглянув на распечатку данных ЭВМ, понял, что происходит, и доложил Акимову. Мощность росла угрожающими темпами. Но Акимов сосредоточился на испытаниях турбогенератора, которые должны были начаться через несколько секунд¹⁰⁹.

Давлетбаев, заместитель начальника турбинного цеха, так описывает сцену в зале управления:

Начальник смены 4-го блока Александр Федорович Акимов... подошел к каждому оператору, в том числе кратко проинструктировал старшего инженера управления турбинами Игоря Кириенбаума о том, что по команде о начале испытания ему следует закрыть пар на турбине № Затем Акимов запросил операторов о готовности, после чего представитель испытаний от предприятия «Донтехэнерго» Метленкоскомандовал: «Внимание, осциллограф, пуск».

Это произошло в 1 час 23 минуты 4 секунды. Давлетбаев продолжает:

По этой команде Кириенбаум закрыл стопорные клапаны турбины, я стоял рядом с ним и наблюдал по тахометру за оборотами ТГ-8. Как и следовало ожидать, обороты быстро падали за счет электродинамического торможения генератора... Когда обороты турбогенератора снизились до значения, предусмотренного программой испытаний, генератор развозбудился, то есть блок выбега отработал правильно, прозвучала команда начальника смены блока Акимова заглушить реактор, что и было выполнено оператором блочного щита управления.

1 час 23 минуты 40 секунд¹¹⁰.

Испытание длилось 36 секунд. Эти полминуты с небольшим стали для людей на четвертом энергоблоке роковыми. Контроль над мощностью реактора был утрачен. Ситуацию осложнили запаривание контура, из-за чего снизилось поглощение нейтронов водой, и отсутствие регулирующих стержней в активной зоне – их вывели, чтобы не допустить полного затухания реакции. Система автоматического регулирования пыталась замедлить реакцию своими двенадцатью стержнями, но почти все прочие стержни к тому времени были извлечены вручную.

Топтунов, отслеживая данные компьютера, почуял неладное и прокричал, что мощность резко подскочила. Дятлов затем вспоминал, что под конец теста слышал голоса его и Акимова: «Я находился от них метрах в десяти и что сказал Топтунов не слышал. Саша Акимов приказал глушить реактор и показал пальцем – дави кнопку. Сам снова обернулся к панели безопасности, за которой наблюдал». Этой кнопкой была АЗ-5 – ввод в активную зону всех стержней с поглотителем, что вело к неизбежной остановке реактора. Топтунов сорвал с опечатанной кнопки бумагу и надавил. Дятлов и все люди из акимовской смены в зале управления наконец могли вздохнуть с облегчением. Сложные испытания завершены. Никто не сомневался в том,

---

¹⁰⁹ Medvedev G. Op. cit. P. 67–76; Карпан Н. Указ. соч. С. 476.

¹¹⁰ Давлетбаев Р. Указ. соч. С. 370; Карпан Н. Указ. соч. С. 336.

что красная кнопка АЗ-5 немедленно прекратит реакцию. Это была чрезвычайная мера, но и ситуация сложилась экстренная¹¹¹.

При нажатии кнопки 187 регулирующих стержней стали входить в активную зону. Они были длиной в семь метров, двигались со скоростью в сорок сантиметров в секунду и содержали карбид бора – поглотитель нейтронов, замедляющий реакцию. Однако снизу к ним крепились графитовые вытеснители. Вероятно, именно ввод этих вытеснителей в крайне нестабильный реактор стал последней каплей. При движении вниз они вытесняли из верхней части активной зоны воду, которая поглощает нейтроны, и таким образом не замедляли реакцию, а разгоняли ее. Это и был концевой эффект – фатальный просчет в конструкции РБМК. Возможно, именно он едва не уничтожил реактор на Ленинградской атомной электростанции в 1975 году. Теперь он проявился вновь.

Ввод графитовых вытеснителей, прикрепленных снизу к регулирующим стержням, резко подстегнул реакцию – а значит, и температуру в активной зоне. Скачок температуры повредил тепловыделяющие элементы. Эти трубки, диаметром в 13,5 миллиметра, были заключены в оболочку из циркониевого сплава толщиной менее миллиметра. Из-за деформированных топливных каналов регулирующие стержни заклинило, когда они опустились в ядро только на треть с небольшим. Таким образом, поглотитель в этих стержнях не подействовал на среднюю и нижнюю части активной зоны, и реакция там развивалась неконтролируемо. Мощность реактора, мгновенно подскочив в два с половиной раза – до пятисот мегаватт, вскоре превысила норму в десять раз, составив больше тридцати тысяч мегаватт. Стремительно растущее число свободных нейтронов «выжгло» ксенон-135, который еще несколько минут назад также играл роль поглотителя. Теперь реакцию нельзя было остановить ничем. Топливные стержни распались, диоксид урана из тепловыделяющих элементов попал в контур, по которому еще недавно циркулировала вода. Объем пара стремительно рос, деваться ему было некуда¹¹².

В зале управления реактором слышали необычайный звук. По словам Разима Давлетбаева, это был «гул очень низкого тона, похожий на стон живого существа». Юрий Трегуб приводит другое сравнение: «Как если бы „Волга“ на полном ходу начала тормозить и юзом бы шла – такой звук: ду-ду-ду-ду». Потом что-то гроыхнуло, стены задрожали. «Но не как при землетрясении, – уточняет Трегуб. – Если посчитать до десяти секунд – раздавался рокот, частота колебаний падала, а мощность их росла. Затем прозвучал удар». Таковы были последствия взрыва контура, когда пар разрушил оболочку реактора. Лежавшую на реакторе двусоттонную плиту («схема Е биологической защиты», она же «Елена») подбросило так, что она пробила крышу энергоблока. Плита, сквозь которую проходила вся инфраструктура ядра реактора, упала обратно, но не закрыла полностью активную зону. Образовалась брешь – началось радиоактивное загрязнение атмосферы. Часы показывали 1 час 23 минуты 44 секунды.

Еще через две секунды прогремел второй взрыв, намного мощнее первого. Давлетбаев вспоминает: «Сильно шатнуло пол и стены, с потолка посыпались пыль и мелкая крошка, потухло освещение, затем раздался глухой удар, сопровождавшийся громopodobными раскатами. Освещение появилось вновь...» Инженеры в зале управления ощутили и слышали взрыв, но не могли понять его причину. Им и в голову прийти не могло, что взорвался сам реактор. Смена шла очень трудно – то и дело раздавались сигналы тревоги, – но такое бывало и раньше. Если где-то произошел взрыв, то либо в контуре, либо в турбине, но не в реакторе. Они были уверены, что реактор с его многочисленными системами защиты был полностью застрахован от такого сценария. Ни в одном учебнике не встречалось и намек на возможность

¹¹¹ Карпан Н. Чернобыль. С. 482; Дятлов А. Указ. соч. С. 40.

¹¹² Cullen R.B., De Frank Th.M., Strasser S. Anatomy of Catastrophe: The Soviets Lift Lid on the Chernobyl Syndrome // Newsweek. September P. 26–28; Sequence of Events: Chernobyl Accident, Appendix 1 // World Nuclear Association. June [www.world-nuclear.org/information-library/safety-and-security/safety-of-plants/appendices/chernobyl-accident-appendix-1-sequence-of-events.aspx]; Xenon Poisoning // HyperPhysics [hyperphysics.phy-astr.gsu.edu/hbase/nucene/xenon.html].

взрыва. Изображая сцену в зале управления, после того как лампы загорелись снова, Трегуб признается: «Все были в шоке. Все с вытянутыми лицами стояли. Я был очень испуган. Полный шок»¹¹³.

Промелькнула мысль о землетрясении. Атомщики не сразу осознали, что виновны в этом землетрясении люди – они сами. Первый взрыв произвел пар. Разрушение тепловыделяющих сборок, попадание диоксида урана в контур и резкое увеличение объема пара привели к тому, что контур этим паром просто разорвало. Пар и сбросил с ядра реактора двухсоттонную плиту («Елену»), что еще больше повредило топливные каналы и разъединило контур. Активную зону вода теперь не охлаждала вообще, и тепловая мощность реактора снова подскочила. Произошел второй взрыв, еще более мощный.

Этим вторым взрывом частично разрушило уже бетонную шахту реактора. Графитовые блоки, из которых было составлено его ядро, подбросило высоко в воздух – а с ними и часть топлива. Эти радиоактивные куски графита упали на крышу третьего энергоблока; их разнесло по всей территории станции. Внутри полуразрушенного реактора графит загорелся, и радиоактивные продукты горения немедленно попали в атмосферу.

Первыми картину катастрофы снаружи увидели рыбаки. Той теплой апрельской ночью у пруда-охладителя Чернобыльской АЭС их собралось немало. Пруд давно уже превратили в садок для разведения рыбы (как мы помним, Фомин в связи с этим похвалялся экологической чистотой на станции). Два рыбака оказались довольно близко от четвертого энергоблока – метрах в двухстах пятидесяти от его турбинного зала. Внезапно в ночной тишине раздался глухой звук взрыва, потом другой. Под ними задрожала земля, языки пламени осветили все вокруг. Но если охрана и заметила рыбаков, никто по их душу не явился. Огонь над зданием энергоблока вздымался все выше, а они все так же сидели с удочками на берегу. Им было невдомек: на землю пала ядерная звезда Полюнь, отравляя почву, воду, их улов и самих ловцов. Они смотрели, но ничего не видели. Эти два человека стали первыми в длинном ряду тех, кто оказался ослеплен случившимся: смотрел, но не видел, видел, но не понимал¹¹⁴.

---

¹¹³ Давлетбаев Р. Указ. соч. С. 371; Ю. Трегуб // Щербак Ю. Указ. соч. С. 41–42.

¹¹⁴ Medvedev G. Op. cit. P. 85–88.

Глава 6

Пожар

Для бойцов военизированной пожарной части № 2 день 25 апреля ничем не отличался от других – разве что это была пятница. Разговоры вертелись вокруг планов на выходные. Многочисленные уроженцы окрестных городков и сел собирались к родным – помогать сажать картошку. У жителей Чернобыля были свои приусадебные участки. В общем, настроение царило картофельное. Большинство инженеров и техников атомной электростанции переехали в Припять из России или других областей Украины, но среди пожарных, как и строителей, преобладали выходцы из близлежащих районов Полесья, расположенных по обе стороны границы с Белоруссией. Молодые селяне устраивались на работу с такой зарплатой, о какой в колхозе могли только мечтать.

Смена у пожарных длилась сутки, с восьми утра. Еще полчаса уходило на пересменку. Таким образом, сдав часть новому караулу, в полдевятого утра 26 апреля они должны были разойтись по домам на двое суток отдыха. Очередная смена ждала их 28 апреля. Днем они сидели над инструкциями и отрабатывали пожарную тревогу на недостроенном пятом энергоблоке, а вечером могли расслабиться. Кто-то дремал, кто-то смотрел телевизор. В девять вечера показывали программу «Время».

Главной новостью стало недавнее заседание политбюро, на котором Горбачев с членами ЦК обсуждали увеличение производства потребительских товаров – важнейший вопрос для общества, терзаемого бесконечным дефицитом. Права на покупку желанного личного автомобиля приходилось ждать много лет. Кое-кто из пожарных постарше имел машины, молодежь ездила на мотоциклах. Что касается международного положения, то внимание обозревателей занимал американо-ливийский конфликт. 15 апреля президент Рейган приказал нанести по владениям Каддафи ракетно-бомбовые удары. Это стало ответом Белого дома на взрыв, устроенный на дискотеке La Belle – одном из любимых мест расквартированных в Западном Берлине американских солдат. Карательную акцию резко осудили не только страны соцлагеря, но и многие на Западе. Советское телевидение получило превосходный подарок: возможность показать манифестации против американской военщины по всему миру¹¹⁵.

Поздним вечером пятницы зрители с нетерпением ждали окончания новостей и начала развлекательных передач. С десяти минут двенадцатого на первом канале союзного телевидения шла «Песня-86». По второму каналу показывали гимнастику – любимый многими спорт, предмет гордости всей страны. В то время блистала Елена Шушунова. Два года спустя она выиграет золотые, серебряные и бронзовые медали на сеульской олимпиаде – первой за двенадцать лет, в которой соревновались команды СССР и США. Московскую олимпиаду 1980 года американцы бойкотировали в ответ на вторжение в Афганистан. Советский Союз отплатил им бойкотом следующих игр – в Лос-Анджелесе¹¹⁶.

Пока другие смотрели телевизор, общались или спали, командир – двадцатитрехлетний Владимир Правик – склонился в кабинете над письменным столом. Можно было подумать, что молодой лейтенант занят конспектами, ведь он хотел поступить в высшую инженерную пожарно-техническую школу. Иногда Правик писал жене – такая у него была привычка. Первый год совместной жизни они провели раздельно: он служил в Чернобыле, Надежда доучивалась в Черкассах. Два города объединяют Припять и Днепр, но разделяет их более трехсот километров. В Черкассах они и познакомились. Владимир поступил в тамошнее пожарно-техническое училище, Надежда занималась в музыкальном. Полюбили друг друга с первого

---

¹¹⁵ В Политбюро ЦК КПСС // Правда. 1986. 25 апреля; Капранов А. Не смыть клейма позора // Известия. 1986. 25 апреля.

¹¹⁶ ТВ на будущей неделе // Известия. 1986. 19 апреля.

взгляда, но в семнадцать лет избраннице курсанта еще рано было замуж. Владимир вернулся в родной Чернобыль один. Свадьбу сыграли только в 1984 году. Вскоре Надежда перебралась в Припять, но ее муж и теперь предпочитал доверять свои мысли и чувства бумаге. Смена длилась целые сутки, и письма скрашивали разлуку.

Всего две недели тому назад у них родилась дочь. Назвали ее Натальей. Лейтенант Правик хотел проводить больше времени с семьей и просил начальство перевести его на должность инспектора, чтобы не нужно было дежурить по ночам. Правика обещали перевод, но заменить его было некому. Надо было ждать. Он любил службу, заботился о подчиненных и всегда думал о том, что бы еще сделать для части. С помощью одного из пожарных лейтенант разработал и установил на гаражах ворота с дистанционным управлением – редкость для того времени. 25 апреля он принес на службу магнитофон, чтобы записать музыкальное поздравление с наступающими праздниками для своей команды. В два часа ночи его должны были сменить на дежурстве, позволив отдохнуть до восьми утра. 26 апреля они с Надеждой и маленькой Наташей собирались в гости в Чернобыль, к родителям Владимира. Как и все пожарные, лейтенант хотел помочь отцу и матери в огороде¹¹⁷.

Правика и его людей нельзя было назвать любимчиками командования. Вот как о них вспоминает Леонид Телятников (в свои тридцать пять – майор и начальник военизированной пожарной части № 2): «Третий караул не был таким идеальным, как пишут в газетах. И если бы не этот случай, никогда, конечно, о нем не писали бы. Это был очень своеобразный караул. Это был караул личностей, так можно сказать. Потому что каждый был сам по себе. Очень много ветеранов там было, очень много своеобразных ребят». Правик в карауле оказался моложе всех. Пожарным платили хорошую зарплату, и устроиться в их часть было довольно трудно. Большое значение имели семейные связи. Братья, отцы и сыновья формировали сообщества, в которые ход был заказан даже опытным, выдавшим виды офицерам. Лейтенант верил, что должен воспитывать пожарных на собственном примере. Телятников же требовал относиться к ним помягше, не давать водить себя за нос и отлынивать.

Правик нередко докучал майору, передавая просьбы подчиненных об улучшении жилищных условий или отгулах. Однажды он открыто выступил против решения командира наказать бойца, пропустившего смену. Человек, мол, просто перепутал числа и, по мнению Правика, заслуживал снисхождения. Они спорили с Телятниковым об этом случае не один раз. Майор даже побеседовал с молодой женой лейтенанта – верил, что Надежда благотворно влияет на Владимира. Это ничего не изменило, Правик и дальше упорно отстаивал интересы подчиненных. Это стоило ему и отсроченного отпуска, и долгого пребывания в звании лейтенанта. Зато ветераны и «своеобразные ребята» своего командира любили. Например, Леонид Шаврей, которому тогда было тридцать пять, так отзывался о лейтенанте: «Правик был очень хороший парень. Башковитый, грамотный. Хорошо разбирался в радиотехнике, любитель был крепкий. Цветомузыку сделать, приемник отремонтировать, магнитофон – вроде как мастер был. И с караулом житейски обходился. Достойный начальник. Любой вопрос мог решить, обратиться к нему...»¹¹⁸

Леонид был старшим из трех братьев (все пожарные), родом из белорусской деревни у самой границы с Украиной. Припять от их деревни отделяет менее двадцати километров, тогда как до Наровли, районного центра, почти втрое дальше. Леонид и Иван служили в карауле Правика, и оба в ту ночь были на дежурстве. Самый младший брат, Петр, имел уже звание лейтенанта и отдыхал дома. Посмотрев телевизор, Леонид пошел вздремнуть. Именно ему предстояло сменить Правика на посту в два часа ночи. Иван с другими бойцами вышел на воздух

¹¹⁷ Ковтун Г. Я писатиму тобі щодня: Повесть у листах. Київ, 1989. С. 42.

¹¹⁸ Л. Телятников, Л. Шаврей // Щербак Ю. Чернобыль: Документальное повествование. М., 1991. С. 49–50; Ковтун Г. Указ. соч. С. 52–54.

поболтать. Внезапно раздался хлопок. Иван сразу же опознал звук: выброс пара на энергоблоке. Он едва обратил на это внимание – такое время от времени случалось¹¹⁹.

Но как только Иван зашел в здание, раздался взрыв, за ним – еще один. Что происходит? Иван увидел над четвертым энергоблоком огненный шар. Завыла сирена, вскочил с места и Леонид. Сослуживцы, указывая на станцию, кричали: «Вон, смотри – горит!» Над крышей энергоблока, ярко освещенного прожекторами, вздымался грибообразный столб дыма. Внизу красный, дальше он становился синим и на самом верху расплзался в черное облако¹²⁰.

Бойцы не успели опомниться, как уже мчались к месту аварии – четвертому энергоблоку. Леонид Шаврей сидел рядом с лейтенантом Правиком, Иван ехал в другой машине. Когда все три подъехали к воротам, уже не было видно ни огненного шара, ни облака дыма, хотя времени прошло совсем немного. Пожарные высадились у административно-бытового корпуса энергоблоков второй очереди. За всеми энергоблоками, примыкая к их тыльной стороне, тянулся громадный машинный зал. В этом здании, высотой не менее тридцати двух метров, располагались турбогенераторы. Третий и четвертый энергоблоки находились в одном корпусе и делили одну на двоих вентиляционную трубу. Эта труба головокружительной высоты маячит почти на всех фотографиях Чернобыльской атомной электростанции. Крыша здания энергоблоков второй очереди, откуда начиналась труба, поднималась над землей на целых 72 метра – сопоставимо с небоскребом этажей в семнадцать, то есть средним по меркам Соединенных Штатов 1920–1930-х годов. Когда бойцы посмотрели вверх, их поразили масштабы катастрофы. Крыша четвертого энергоблока была разрушена, как и немалая часть одной стены. Другие стены лизали языки пламени.

Потрясенный лейтенант передал по радио сигнал тревоги номер три – самый высокий. Это значило, что на пожар должны были немедленно выехать расчеты из городов всей Киевской области. Правик действовал как привык – брал ответственность на себя. Леонид Шаврей запомнил его слова: «Ну, Михайлыч, нам будет жарко. Нам придется тут поработать». Шаврей сразу понял, что дела плохи. «У меня аж волосы дыбом стали», – признавался он позже. На часах было около половины второго. С момента взрыва прошло минут пять.

Правик и Шаврей побежали от машины по транспортному коридору через третий блок – на разведку. В коридоре им попался телефонный аппарат внутренней связи, но на звонки никто не отвечал. Шаврей заметил двоих крайне встревоженных техников. Пожарные стали допытываться у них, где именно горит. Техники точно не знали – предполагали, что на крыше машинного зала. Правик сразу понял, насколько это опасно. В машинном зале находилось много легковоспламеняемых материалов и ценное оборудование. Охвати огонь все здание, он мог бы перекинуться с него на каждый из четырех энергоблоков¹²¹.

Нужно было действовать быстро. Правик приказал Леониду Шаврею вернуться к машине и объехать машинный зал со стороны первого энергоблока. Сам лейтенант остался внутри, чтобы разобраться в картине аварии и составить план действий. Шаврей выполнил приказ. Вместе с Владимиром Прищепой он поднялся на крышу машинного зала – нелегкое дело, ведь они карабкались в касках и брезентовых робах по высокой лестнице, которая раскачивалась под их весом. Наверху они увидели нечто похуже простого пожара. Через две недели Прищепка так описал эту картину: «Когда я вылез на крышу, то увидел, что перекрытия нарушены, некоторые упали. Ближе к постоянному торцу на четвертом энергоблоке я увидел очаг загорания крыши. Он был небольшой. Я хотел к нему подойти, чтобы потушить, но перекрытия шатались.

¹¹⁹ Лаба А. Пожарный-чернобылец Шаврей: Мы просто выполняли свой долг // РИА Новости Украина. 2016. 26 апреля [rian.com.ua/ interview/20160426/1009035845. html].

¹²⁰ И. Шаврей // Губарев В. Зарево над Припятью. М., 1987. С. 5; Черненко А. Владимир Правик. М., 1988. С. 87; Щербак Ю. Указ. соч. С. 53.

¹²¹ Л. Шаврей // Щербак Ю. Указ. соч. С. 53–55.

Я возвратился и пошел вдоль стенки по пожарному водопроводу, подошел к очагу и засыпал его песком, так как рукавную линию проложить не было возможности».

Из воспоминаний Леонида Шаврея также видно, что пожар тушили без воды: «Старались сбивать пламя брезентовыми рукавами. На крыше противопожарное водоснабжение, и там рукава лежали в ящиках – вот этими рукавами мы и сбивали... В крыше были дырки, если бы мы воду начали лить, могло бы и коротнуть и... Рукавами сбивали пламя и ногами затаптывали». В нарушение всех правил безопасности крыша машинного зала, на которой находились пожарные, была залита битумом – весьма горючим нефтепродуктом. Шаврей продолжает: «Ходить было трудно, битум на крыше расплавился. Жарища такая... Чуть малейшее что, битум сразу же загорался от температуры... Наступишь – ногу нельзя переставить, сапоги вырывает... И вся крыша усеяна какими-то кусками, светящимися, серебристыми. Ну, их отшвыривали в сторону. Вроде лежит, и вдруг раз – воспламенился»¹²².

То, что Шаврей и Прищепа пинали ногами, было кусками графита и ядерного топлива. Они облучали все вокруг, и в первую очередь бойцов из караула Владимира Правика, не имевших ни инструментов для измерения уровня радиации, ни защитной экипировки. Их учили тушить обычные пожары и входить в задымленные помещения. Никто не объяснял им, как противостоять радиации, хоть их часть и охраняла атомную электростанцию. Поэтому у них было довольно смутное представление о том, чем пожар в ночь на 26 апреля отличается от прочих и откуда именно исходит угроза. Из-за невыносимого зноя на крыше машинного зала оба стали понемногу избавляться от боевой формы. Шаврей признается: «Температура большая была, дышать тяжело, мы порасхристаны, каски сняли, положили». Они не знали, что снизу им рукоплещут наблюдатели – те самые рыбаки, стоявшие на берегу пруда-охладителя. Действия бойцов привели их в восторг. Один из них воскликнул: «Каску снял!

От дает! Герой!»¹²³

Ответственность за город Припять лежала на военизированной пожарной части № В ту ночь Людмилу – жену Василия Игнатенко, одного из бойцов, – разбудил шум за окном. Как и некоторые другие молодые пожарные, супруги Игнатенко жили в общежитии части. Под ними, на первом этаже, находился гараж. Василий как раз дежурил, поэтому Людмила выглянула на улицу и увидела, как муж садится в машину. «Закрой форточки и ложись спать. На станции пожар. Я скоро буду», – крикнул Василий. Людмила посмотрела на юго-восток и увидела зарево над атомной электростанцией. «Все словно светилось... все небо... высокое пламя, копоть, жар страшный», – вспоминает она.

Машины выехали из гаража и помчались к четвертому энергоблоку. Командовал караулом лейтенант Виктор Кибенок, двадцати трех лет. Он окончил пожарно-техническое училище в Черкассах на два года позже Правика. Караул содержал в образцовом порядке. Подчиненные были примерно того же возраста, что командир, и он водил дружбу со многими из них, включая Василия Игнатенко. Игнатенко, двумя годами старше, успел заслужить звание мастера спорта СССР, побеждал на соревнованиях. Жены тоже были подругами, семьи проводили вместе выходные. Теперь Виктор и Василий вместе ехали на пожар¹²⁴

¹²² В. Прищепа // Губарев В. Указ. соч. С. 5–6; Л. Шаврей // Щербак Ю. Указ. соч. С. 54.

¹²³ Л. Шаврей // Щербак Ю. Указ. соч. С. 54; Medvedev G. The Truth About Chernobyl. New York, 1991. P. 87.

¹²⁴ Алексиевич С. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М., 2013. С. 11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.